801-14
1948

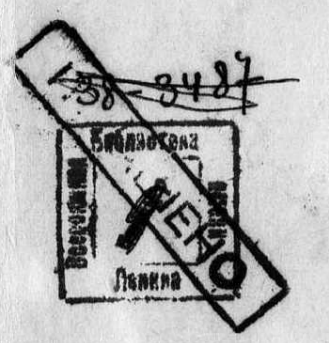
Ю. ЛАРИН

891-89
10917-6
М 135/332
М 135/332

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВЕТЫ

ХОЗЯЙСТВО, БУРЖУАЗИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ, ГОСАППАРАТ

НЕ КОПИРОВАТЬ

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Непосредственно перед и особенно после Октябрьской революции 1917 г. среди рабочих господствовало озлобленно-отрицательное отношение к интеллигентным специалистам буржуазной эпохи и буржуазных партий.

Корни этого отношения совершенно ясны. Во-первых, средняя интеллигенция (профессора, инженеры и прочие) поддерживала существование буржуазного строя *политически* во время самой революции и долгое время после нее. Сначала открыто — саботажем, потом внешне покорным, но внутренне враждебным отношением к делу. Во-вторых, именно интеллигенция давала *идейное* оправдание буржуазного строя, доказывала несбыточность стремлений к социализму и коммунизму и пророчила все время крушение рабочей власти, жадно ловя всякое проявление хозяйственной разрухи, непорядков, слабости. В-третьих, значительная часть этой интеллигенции выступала до революции пред лицом рабочего в роли непосредственных *деловых представителей буржуазных хозяев*. Инженер на заводе, чиновник в канцелярии, профессор в газете, адвокат в суде — все они представительствовали и даже представляли в глазах рабочей массы ту буржуазию, против которой велась борьба.

Крупная буржуазия убежала, или спряталась, или была сметена, а представительствовавшая ее и сохранившая идейную верность буржуазному строю интеллигенция осталась. И ей пришлось, — по большей части, вполне заслуженно, — изведать участь побежденного. К озлоблению *рабочих против буржуа* присоединялось при этом часто еще из более глубоких

по времени источников идущее озлобление *крестьянина против барина*. Победивший сегодня рабочий был вчера или позавчера крестьянином. Если не он сам, то его отец. Если не отца, то уж деда во всяком случае пороли на барской конюшне или на полицейском дворе. К озлоблению нового *класса* против буржуазных эксплоататоров и их приспешников прибавлялась стародавняя ненависть *сословия* людей земли, «простонародья», к «чистым господам», к господствующему классу. Ибо каждый буржуазный инженер или даже студент, каждая скромная чиновница и даже дочь чиновника в глазах крестьянина и рабочего вполне основательно являлись частью господствующего класса. Стоит барышне из скромной чиновничьей семьи как следует повертеть глазками — и она легко окажется женой фабриканта, помещика, офицера. А дочь рабочего могла попасть к ним обычно лишь в качестве временной любовницы, а затем на улицу — социальная пропасть лежала между двумя мирами, миром чистых господ и миром простонародья. Каждый *даже малоимущий* студент, каждый юнкер «имел в своем ранце маршальский жезл», т.-е. мог рассчитывать современем «сделать карьеру», совершенно недоступную до революции рабочему или крестьянину. И известно, что как раз массы небогатых юнкеров и выступили активными борцами против рабочей революции немедленно после ее начала. Рассматриваемое, как преходящее, отсутствие крупного личного состояния не могло ослабить в них социального инстинкта принадлежности к господствующему классу.

Враждебно-отрицательное отношение рабочих и крестьянских (красноармейских, солдатских в то время) масс к интеллигенции буржуазного времени отнюдь не смягчалось и принадлежностью части ее к разным оттенкам мелко-буржуазного тоже-социализма (эс-эры, народные социалисты, трудовики, меньшевики-оборонцы, социал-националисты и т. д.). Одни принадлежали к этим оттенкам еще до революции, другие приняли соответственную окраску только после нее, но всех их об'единяло два момента. Во-первых, социализм

всех их, от меньшевиков до эс-эров, стал социализмом только по названию, всецело был проникнут *мелко-буржуазным*, «народническим» духом—представлял городское мещанство и буржуазно-ориентированное крестьянство, а не пролетариат. Во-вторых, весь этот народнический социализм выступил открытым и дружным фронтом *против рабочей революции* и за буржуазию (за буржуазную демократию, за «Учредилку», против «рабочего контроля», против национализации хозяйства) — правильно отражая имевшее в то время место примыкание к руководящей крупной буржуазии основных масс *зажиточного* крестьянства и городского, особенно торгового, мещанства.

То обстоятельство, что народническая интеллигенция при этом носила еще вывеску «социализма», делало ее в глазах рабочих еще более заслуживающей вражды, чем интеллигенцию откровенно буржуазную. Ибо к моменту борьбы против рабочего класса присоединялся еще момент измены тому социализму, знамя которого рабочий класс подымал. И название «социал-предатели» было именно поэтому в тот период особенно распространенным в рабочей среде по адресу представителей противорабочего мелко-буржуазного социализма.

Так создались условия, при которых после Октябрьской революции 1917 г. рабочая масса почти сплошь враждебно-отрицательно относилась ко всякой некоммунистической (т.-е. не перешедшей *открыто и до конца* на сторону рабочих) интеллигенции. Откровенно-буржуазная или «тоже-социалистическая», зажиточная или лично малоимущая — вся эта интеллигентская прослойка была представительницей буржуазии, защитницей буржуазии, носительницей идей буржуазной реставрации и врагом рабочей революции. При таких условиях даже авангард рабочей массы, даже передовые отряды ее сплошь и рядом и слышать не хотели о необходимости сохранять у своего дела, хотя и под строжайшим нашим надзором, известную часть хотя бы технически важных элементов этой интеллигенции (напр., участие инженеров в управлении заводами и т. п.).

Среди многих эпизодов подобного рода помню появление в «Астории» (где мы жили в Ленинграде после торжества Октябрьской революции) делегации уральских рабочих. В состав делегации входили мотовилихинский рабочий Мясников (впоследствии исключенный за мелко-буржуазный уклон) и молодой рабочий тов. Сулимов (впоследствии ставший членом ЦК РКП, которым остается и сейчас). Делегация полна была энтузиазмом пережитой борьбы и победы. Уральцы выдержали на своих плечах первую тяжесть организационной работы и восстановления хозяйственных связей и явились теперь в центр (Ленинград) договариваться с ним о том, как окончательно должен быть устроен Урал и уральские заводы, чем им заниматься, какая помощь будет от центра и что в свою очередь требуется от них. Ко мне в «Асторию» они явились по двум причинам. Во-первых, по той, в силу которой, полемизируя в начале 1919 г. по продовольственному вопросу против меня во ВЦИК'е, Ленин назвал первое полугодие Советской власти периодом «ларинской диктатуры» в нашем хозяйственном строительстве (присоединив довольно-таки сердитые замечания о некоторых ее проявлениях). Во-вторых, по той причине, что и тогда и позже я отдавал распоряжения о проведении в интересах восстановления уральского хозяйства некоторых незаконных мер, когда не видел иного быстрого и верного выхода. На деле подобные меры приходилось проводить и в применении к другим районам. Напр., когда весной 1918 г. на окраинах не хватало денег—я послал на Урал и в Туркестан радиотелеграммы, в которых от имени общесоветского правительства предоставил право Уралу и Туркестану печатать собственные деньги (в то время допускалось единоличное составление мной разных законов и распоряжений по хозяйственной части, иногда даже гораздо более существенных). Свои деньги начали печататься и на Урале (до захвата его Колчаком), и в Туркестане (выкуплены и обменены на общегосударственные тов. Сокольниковым в 1921 г.).

Иллюстрация эта показывает, насколько приходилось в первый год советской жизни считаться со своеобразием отношений, когда исключительные обстоятельства доводили центральную власть до предоставления областям самостоятельного печатания денег и т. п. Понятно, что для преодоления чрезмерности некоторых естественно возникавших при этом уклонов, партии приходилось при этом применять иногда особенно энергичный нажим, который не только восстанавливал необходимое положение, но приводил порою в конце концов и к временному перегибу палки в другую сторону. Нечто подобное происходило иногда кое-где и с вопросом об интеллигенции, о специалистах.

В качестве образца можно взять упомянутую беседу с уральской делегацией, выставлявшей требования, тогда же охарактеризованные формулой «Урал уральцам», требования синдикалистские по существу. *Переубедить* не удалось и осталось только *требовать* во имя пролетарской и партийной дисциплины проводить не то, что хочется, а то, что правильно. Правильным я считал использование для производства и хозяйства необходимых для него интеллигентских сил, не взирая на их вероятную внутреннюю вражду к нам, — чтобы самим быть в силах больше подучиться делу на надзоре за ними, чтобы хоть до некоторой степени использовать и их знания (действуя и приманкой, и принуждением), чтобы выделить постепенно из них способных хоть более или менее перейти на нашу сторону, чтобы победить их не только физически и политически, но и морально, показав и доказав возможность усвоения пролетарским строем культурно-технического наследия прошлого. С этою целью в «положения» об учреждении разных главков (прообразы и предшественники нынешних трестов) я включал введение в состав их правлений одной трети от технического персонала и издал в начале весны 1918 г. особый подробный закон об управлении национализованными предприятиями (опубликованный 7 марта 1918 г. в «Газете Раб.-Крест. Правительства», тогдашнем официальном органе), по которому во главе каждого завода ставилась «коллегия» на одну треть из

технического персонала[1]). С этою же целью я принял ряд других мер по приручению лучшей части специалистов к советскому строю: «спас» от уничтожения тогдашним левым эс-эром и наркомом земледелия тов. Колегаевым (ныне давно уже член нашей партии и руководитель Москуста) управление всеросс. сел.-хоз. статистической переписи во главе с нынешним начальником ЦСУ тов. П. И. Поповым (и солдаты были уже приставлены энергичным тов. Колегаевым к помещению бедной статистики); разослал, — для большей авторитетности подписавши именем Ленина, — телеграмму, что при разгоне на местах земств и городских дум статистика не разгоняется, а все статистические специалисты вверяются тов. П. И. Попову и ему дается 5 милл. руб. на ближайшие расходы; «спас» от разгона группы технических специалистов, сгруппировавшихся в «военно-промышленных комитетах» с возглавлявшим их старым ленинградским рабочим тов. Судаковым (после тоже вступил в нашу партию и состоит членом президиума ВСНХ), провел через подлежащие инстан-

[1]) Законодательная техника первых месяцев была организована весьма оригинально. Официальную «Газету Рабоче-Крестьянского правительства» (предшественницу нынешних «Известий») редактировал тов. Зиновьев. Одни законы и постановления, принятые Совнаркомом, ему присылали из канцелярии СНК. Другие, написанные мною, клал я в Смольном в «ящик писем для редакции» или передавал, либо присылал. Зиновьев аккуратно печатал и то, и другое в официальном отделе под названием «Действия и распоряжения правительства» (или в этом роде) — и еще несколько лет спустя Вл. Ильич дразнил меня подписью: «За бюро Ю. Ларин». Ибо не желая злоупотреблять подписанием его имени без его ведома, нередко подписывал подобным образом, предоставляя желающим в будущем докапываться, что это за «бюро», предписывающее всякие национализации, вводящее монополии, дающее льготы и сажающее в тюрьмы. Впрочем, Вл. Ильич и за имевшее место несколько раз печатание постановлений от его имени только раз выразил мне неудовольствие, находя, что в этом случае я уж слишком энергично действую в чисто политической области, не имеющей отношения к хозяйству (речь шла о некоторых взаимоотношениях ЦИК и СНК, которые показались мне заслуживающими декретного урегулирования — подробности указаны в № 11 «Народного Хозяйства» за 1918 г.).

ции их переделку и переименование в «народно-промышленные комитеты», откуда мы черпали интеллигентские силы, пока не втянули их в нормально работающий аппарат (и тогда упразднили нар.-пр. ком.); пригласил тов. М. П. Павловича (после тоже вошедшего в партию и состоявшего членом коллегии Наркоминдела) ведать (состоявшим при «Комитете хоз. политики») Комгосором со специальной задачей сорганизовать в некоторого рода «Совет экспертов» ленинградских ученых, профессоров, крупных техников по самым различным отраслям, что и было достигнуто; разворачивал с начала 1918 г. большие строительные предположения, вызывавшие необходимость во многих научно-технических работах и т. п.

Выставляя в начале 1918 г. громадную программу — земледельческая мелиорация великорусских губерний (этот вопрос был поручен проф. Александрову, ставшему после автором проекта районирования России и одним из видных деятелей Госплана), Волго-Донской канал (кое-какое шлюзование низовьев Дона действительно было подвинуто в связи с этим), обводнение Туркестана (известный в свое время «Иртур» проф. Ризенкампфа), крупнейшие электрические станции на Свири, Волхове и под Москвой (тов. П. Г. Смидовичу поручена была затем особым совещанием организация бюро по электрификации Центральной России и Сев.-Зап. Области), большие железнодорожные изыскания и работы (ряд построек действительно был постепенно закончен или произведен при помощи перекладки рельс с других менее нужных путей), превращение Кузнецкого бассейна в индустриальный центр (теперь, наконец, дело дошло уже и до первых отправок оттуда кокса на Уральские металлургические заводы, о чем думал еще В. И. Ленин) и т. д. — я прекрасно понимал, что на деле мы достигнем *в первые годы* осуществления лишь ничтожной части всего этого, но зато несомненно завоюем для себя культурно-технический мозг страны, ее лучшую техническую интеллигенцию, приучим ее к себе, научим ее работать с нами и сами научимся иметь с ней дело, сохраним для пролета-

риата то великое культурно-техническое наследие старого буржуазного мира, какое сосредоточено в головах нескольких сотен или пары тысяч виднейших техников и ученых нашей страны. Ибо без расцвета техники, опирающегося на научное знание (в частности природных ресурсов захваченной рабочим классом России) — социализма не построить. И строить его придется гораздо медленнее, если все старые техники и ученые разбегутся, если они не будут приобретены для дела культурно-технического возрождения, если придется начинать с пустого места, с предварительной многолетней подготовки собственных крупных техников, собственных ученых. *Такая подготовка, широкое развитие такой подготовки вообще совершенно необходимы для решения основного вопроса о создании достаточных руководящих рабочих коммунистических кадров для строительства новой жизни.* Но для облегчения и ускорения приступа к этому строительству обязательно и привлечение особенно *умственной верхушки прежнего научно-технического мира*, а следовательно — создание такого отношения к ней и таких условий для ее работы, при которых она не саботировала бы, а действительно втянулась бы в дело. В конечном счете речь здесь идет об очень тонкой прослойке, о нескольких тысячах из всех сотен тысяч человек прежней средней интеллигенции, — но эти несколько тысяч должны пользоваться особым отношением (впоследствии — создание Цекубу и т. п. меры).

Следовательно, перед нами было, собственно, две задачи: одна — решение общего вопроса *о массах интеллигенции* (о «спецах», как с ударением на последнем слоге и с оттенком обидного пренебрежения стала их тогда называть рабочая масса); другая — о небольшой численно, но важной для нас в научно-техническом отношении интеллигентской *верхушке*, обойтись без которой надолго было трудно.

Владимир Ильич, как известно, чрезвычайно трезво относился к нашим реальным возможностям. И если, тем не менее, весной 1918 г. он лично приезжал в комнату № 305 «Метрополя» (ныне второго дома советов

в Москве) для участия в обсуждении и разработке указанной выше громадной строительной программы, если он раздавал в связи с этим ряд практических поручений, лично редактировал с обычным своим вниманием некоторые постановления и отпускал по тому времени крупные суммы на приступ к организации и к делу, — то, конечно, не потому, что он считал возможным сразу, в первые же три-четыре года после революции, с перспективой гражданской войны впереди, и при том одновременно, и построить Волго-Донской канал, и обводнить Туркестан, и покрыть страну крупнейшими электрическими станциями, и создать индустриальный Кузбасс и пр., и пр. Нет, решающими тут были другие соображения.

Во-первых, Ленин придавал громадное, исключительное значение росту техники русского хозяйства. Никто больше его не радовался даже самым начальным достижениям этого рода, постройке впервые производившегося в России электроплуга, улучшению какой-либо породы семян, началу производства неизготовлявшегося ранее у нас вида сапожных гвоздей (текса) и т. д. и т. п. Никто лучше его не понимал всей необходимости роста техники для социалистического переустройства нашей страны, запечатленной им известным выражением: коммунизм, это—наша программа плюс электрификация.

Постановка на очередь больших задач технического переоборудования страны (электрические станции, туркестанская ирригация, Кузбасс и пр.), хотя бы без убеждения в их действительном полном немедленном осуществлении, — во всяком случае ставила практически *предварительную научно-техническую проработку* всех этих крупнейших вопросов. Такая проработка требует времени, *без нее нельзя двинуться вперед*. Ведь прежняя царско-буржуазная Россия не ставила перед собой такой задачи плановой перестройки всей техники страны, которая должна чрезвычайно развить ее производительные силы, поднять успешность труда ее населения. Надо было привлечь внимание крупных техников и ученых к этой громадной задаче, надо было

риата то великое культурно-техническое наследие старого буржуазного мира, какое сосредоточено в головах нескольких сотен или пары тысяч виднейших техников и ученых нашей страны. Ибо без расцвета техники, опирающегося на научное знание (в частности природных ресурсов захваченной рабочим классом России) — социализма не построить. И строить его придется гораздо медленнее, если все старые техники и ученые разбегутся, если они не будут приобретены для дела культурно-технического возрождения, если придется начинать с пустого места, с предварительной многолетней подготовки собственных крупных техников, собственных ученых. *Такая подготовка, широкое развитие такой подготовки вообще совершенно необходимы для решения основного вопроса о создании достаточных руководящих рабочих коммунистических кадров для строительства новой жизни.* Но для облегчения и ускорения приступа к этому строительству обязательно и привлечение особенно *умственной верхушки прежнего научно-технического мира*, а следовательно — создание такого отношения к ней и таких условий для ее работы, при которых она не саботировала бы, а действительно втянулась бы в дело. В конечном счете речь здесь идет об очень тонкой прослойке, о нескольких тысячах из всех сотен тысяч человек прежней средней интеллигенции, — но эти несколько тысяч должны пользоваться особым отношением (впоследствии — создание Цекубу и т. п. меры).

Следовательно, перед нами было, собственно, две задачи: одна — решение общего вопроса *о массах интеллигенции* (о «спецах», как с ударением на последнем слоге и с оттенком обидного пренебрежения стала их тогда называть рабочая масса); другая — о небольшой численно, но важной для нас в научно-техническом отношении интеллигентской *верхушке*, обойтись без которой надолго было трудно.

Владимир Ильич, как известно, чрезвычайно трезво относился к нашим реальным возможностям. И если, тем не менее, весной 1918 г. он лично приезжал в комнату № 305 «Метрополя» (ныне второго дома советов

в Москве) для участия в обсуждении и разработке указанной выше громадной строительной программы, если он раздавал в связи с этим ряд практических поручений, лично редактировал с обычным своим вниманием некоторые постановления и отпускал по тому времени крупные суммы на приступ к организации и к делу, — то, конечно, не потому, что он считал возможным сразу, в первые же три-четыре года после революции, с перспективой гражданской войны впереди, и при том одновременно, и построить Волго-Донской канал, и обводнить Туркестан, и покрыть страну крупнейшими электрическими станциями, и создать индустриальный Кузбасс и пр., и пр. Нет, решающими тут были другие соображения.

Во-первых, Ленин придавал громадное, исключительное значение росту техники русского хозяйства. Никто больше его не радовался даже самым начальным достижениям этого рода, постройке впервые производившегося в России электроплуга, улучшению какой-либо породы семян, началу производства неизготовлявшегося ранее у нас вида сапожных гвоздей (текса) и т. д. и т. п. Никто лучше его не понимал всей необходимости роста техники для социалистического переустройства нашей страны, запечатленной им известным выражением: коммунизм, это—наша программа плюс электрификация.

Постановка на очередь больших задач технического переоборудования страны (электрические станции, туркестанская ирригация, Кузбасс и пр.), хотя бы без убеждения в их действительном полном немедленном осуществлении, — во всяком случае ставила практически *предварительную научно-техническую проработку* всех этих крупнейших вопросов. Такая проработка требует времени, *без нее нельзя двинуться вперед*. Ведь прежняя царско-буржуазная Россия не ставила перед собой такой задачи плановой перестройки всей техники страны, которая должна чрезвычайно развить ее производительные силы, поднять успешность труда ее населения. Надо было привлечь внимание крупных техников и ученых к этой громадной задаче, надо было

поставить ее перед ними, как практическое задание государственной власти, надо было для этого своим *повелением* убедить их, что «эти сумасшедшие насильники», овладев властью, действительно чуть не первым делом начинают ассигновывать такие миллионы на научно-техническую разработку, начинают практически ставить такие задачи, о каких русская научная техника раньше могла только мечтать.

Во-вторых, явилась возможность через привлечение научно-технических сил к подобной проработке *втянуть их постепенно и в непосредственную практическую работу*. Бедность наша в ту пору техническими силами была совершенно исключительная. При учреждении в декабре 1917 г. Высшего Совета Народного Хозяйства в нем был всего один инженер — старый большевик тов. П. Г. Смидович (ныне член Президиума ЦИК СССР). Даже позже, в марте 1918 г. на упомянутых совещаниях в № 305 «Метрополя» (Ленин, Милютин, Ломов, Ларин, Смидович и др.), когда шла речь о необходимости создать «Бюро по электрификации» Московской и Ленинградской областей (торфяные и водяные станции), — Владимиру Ильичу приходилось еще ставить вопрос, что следует Смидовичу привлечь к этому делу «Глеба» (тов. Г. М. Кржижановского, ныне члена ЦК РКП, действительно привлеченного впоследствии в качестве главного руководителя работ по электрификации и председателя Госплана, — в то время стоявшего еще в стороне от активной руководящей советской работы, но имевшего большой подпольно-большевистский стаж). При таких условиях приходилось особенно внимательно относиться к реальным возможностям завязывания связей с научно-техническим миром. Сохранилось от того времени прямое распоряжение Вл. Ильича принять все меры для создания «Совета экспертов» из крупных научно-технических сил (известно также особое внимание, с каким он относился затем к учрежденному при ВСНХ «научно-техническому отделу», куда значительная часть их влилась).

Суровой диктатурой подавляя контр-революционный саботаж интеллигентской массы, Советская власть держала в то же время курс на добровольное приобщение к делу грядущего научно-технического строительства необходимой для него высококвалифицированной верхушки, унаследованной от прошлой эпохи в качестве монопольного обладателя соответственного уровня знаний. Высокая научно-техническая квалификация этой верхушки делала для нее в то же время доступнее, чем для масс средней интеллигенции, понимание *исторического прогресса*, какой несла с собой, воплощением которого была Советская власть для России, — прогресса в развитии производительных сил страны, во всем развитии населяющих ее народов (благодаря, напр., отмене частной собственности, бывшей громадным препятствием для дела земельных улучшений, дела электрификации и т. д.). Более ушедшая в область науки — эта верхушка скорее становилась на формальную платформу «*аполитичности*» (при внутреннем осуждении «большевистского насилия») и *делового сотрудничества* с завлекательно-грандиозными затеями большевиков (техническая перестройка громадной страны, создание научно-планового хозяйства на протяжении одной восьмой суши земного шара и т. д.), — чем рядовая многосоттысячная средняя интеллигенция, далекая от научных высот, тесно соединенная непосредственными деловыми связями с павшей буржуазией и настроенная в итоге в то время весьма определенно и в политическом отношении (саботаж, контр-революционная атмосфера), и в отрицательном отношении к деловому сотрудничеству. Служба только из-за куска хлеба, ради отсутствия преследований, но при недоброжелательном или равнодушном или прямо преступном отношении к порученному делу — была правилом для средней интеллигенции не только тогда, но еще и много позже. Отчасти остается для некоторых групп еще и теперь — как показывают многочисленные крупные процессы по экономическому шпионажу и по грабежу общенародного достояния, имевшие место за последний год. Действительно крупным техникам, действительным людям науки легче было понять *большой размах* нашей партии, легче было «за деревьями ви-

деть лес», чем рядовому интеллигентному обывателю с ограниченным кругозором и полем наблюдений своей фабрики, своей больницы, своей гимназии, своей канцелярии (где иногда преимущественно только с «деревьями» или дубинами и встречался). И нашей программой технического возрождения, как и насаждением или охраной «советов экспертов» и т. п., мы этому способствовали. Вот почему, — но, конечно, не только поэтому, — Ленин взял в начале 1918 г. под свое покровительство большой размах строительных программ, вот почему лично писал предписания о «совете экспертов» и пр.

Но, конечно, не только поэтому и даже не только по причине необходимости дать практический толчок научно-технической проработке больших задач, если мы хотим оказаться способными начать их осуществление, когда страна начнет набираться для этого сил. Кстати сказать, этот расчет вполне оправдался — стоит вспомнить разработанный Гоэлро под руководством тов. Г. М. Кржижановского план электрификации и начавшееся последние годы постепенное его осуществление. Между тем, года три-четыре назад иронически отношение ко всем этим «прожектам» (как величественно пытались выражаться не успевшие еще тогда приобрести в этом отношении достаточно кругозора товарищи с припадками дурного вкуса) настолько было распространено, что даже один из виднейших сотрудников В. И. Ленина пустил в оборот едкое словечко: электро*фикация* — электро*фикция* («фикцией» называется нереальное, выдаваемое за реальное). А когда в начале 1921 г. я напечатал в «Правде» фельетон в защиту плана электрификации и против пренебрежительного отношения к работе Гоэлро, то Владимир Ильич прислал специальную благодарственную записку, характеризовавшую фельетон, как подающий надежду на «поворот к лучшему» и на начало «делового подхода» общественного мнения к делу — настолько недостаточно наблюдал он в то время, по его мнению, надлежащее отношение к этому вопросу (хотя официально — публично, разумеется, это совершенно не проявлялось).

Добавочными мотивами большой программы, кроме толчка началу научно-технической ее проработки и кроме средства вовлечения крупных технических и научных сил в орбиту Советской власти, — были еще соображения *политические* и *практические*. О крепости и прочности нового строя шел еще спор — спор с оружием в руках. Демонстрация такой уверенности власти в себе, какая проявлялась в приступе к строительным работам многолетнего характера (Волховская электростанция, достройка крупных железных дорог, как Казань — Екатеринбург, Нижний — Котельнич и др. и т. д.), — все это производило существенное впечатление на довольно широкие слои колеблющихся, удерживало от активного перехода на сторону противника, дезорганизовало врагов и бодрило друзей. Когда десятки крупных фабрик, заводов, рудников, до сих пор стоявшие в стороне от железной дороги и напрасно мечтавшие о ней десятки лет, видели, что к ним *начинают* строить под'ездные ветви (а много таких ветвей было нами постепенно выстроено и на деле), они видели в этом живое свидетельство, что жизнь начнет поворачиваться к ним более светлым концом — и бодрей, и крепче подымались на защиту этой новой жизни. Но даже и в отношениях с иностранными государствами наши собственные технически-возродительные начинания играли свою роль.

История Советской власти так сложна и переплетена, в столь сложной обстановке, особенно первый год, приходилось маневрировать диктатуре рабочего класса в лице его партии, чтобы эту диктатуру удержать среди всех опасностей и обеспечить за ней прочность, — что для правильного понимания внутренней связи явлений приходится иногда указывать на такой клубок связей, который с начала может показаться неожиданным. Для надлежащего подхода, напр., к вопросу о «народническом засилье» в нашей аграрной литературе и — временами — даже в практическом отношении земорганов к совхозам и т. п. — надо привести его в связь с общими взаимоотношениями нашими с интеллигенцией в ее разных прослойках. Для

этого приходится вернуться к первому году Советской власти — и здесь оказывается нужным «зацепить», с одной стороны, политику технического возрождения, намечавшуюся в то время [1]) и начинающую уже постепенно осуществляться, а с другой — наши отношения с иностранными капиталистами и с их капиталистическими государствами.

Дело в том, что *наша интеллигенция по самому хозяйственному строению дореволюционной России должна была служить и служила одним из существеннейших «приводных ремней» между русским хозяйством и иностранным капиталом.* Эта общественная ее функция и роль определялись весьма конкретной материальной обстановкой. На добрую половину наша средняя интеллигенция была не просто представительницей и выразительницей буржуазии, но еще и именно — *иностранной буржуазии.* Эта социальная (общественная) характеристика налагала на нее особую печать, ярко заметную и до революции (крайняя модность и немедленное отражение всякого изгиба буржуазной идеологии на Западе и т. д.) и после нее (особо истеричное отношение к «благородным союзникам» из Антанты и т. д.).

Дореволюционная Россия в хозяйственном смысле была страной полуколониального типа, была в значительной мере экономической колонией европейского капитала. До 40% всего акционерного капитала русской промышленности и половина капитала русских банков принадлежали перед войной иностранным капиталистам. Но если без малого половина акционерного промышленно-банковского капитала дореволюционной России была капиталом иностранным, то руководящая роль последнего была еще больше.

Во-первых, при помощи своих средств заграничный капитал управлял еще известной частью средств русских капиталистов. А именно тою, какая была вложена

[1]) Ряд элементов ее указан был в моей отчетной речи на пленуме ВСНХ в марте 1918 г., отпечатанной в № 1 Бюллетеня ВСНХ (Москва, 1918 г.).

в те предприятия, где иностранному капиталу принадлежала большая часть суммы всех акций. Допустим, что в предприятиях, где господствовал иностранный капитал, только пятая часть акций принадлежала русским капиталистам. Это значило бы, что из всего акционерного капитала русской промышленности иностранный капитал управлял бы непосредственно как своими 40%, так и 10%, составлявшими долю русских капиталистов в предприятиях, где большинство (и власть) принадлежали иностранцам.

Во-вторых, кроме предприятий с 50% всего акционерного капитала, которыми *непосредственно* управляла «заграница», имелся еще целый ряд фабрик и заводов, всецело занятых обслуживанием предприятий, где господствовали иностранцы, полностью работавших на них (по поставке вспомогательных материалов, полуфабрикатов, сырья промышленного происхождения, укупорочных средств и пр.) и потому стоявших в *зависимости* от них.

Наконец, в-третьих, если непосредственно иностранный капитал управлял лишь половиной всего акционерного капитала русской промышленности (и более чем половиной акционерного капитала банков), то удельный вес его был больше еще потому, что захвачены им были как раз такие *основные отрасли,* как банки, уголь, нефть, железо, электричество и пр., *господство в которых давало руководство во всей промышленно-финансовой жизни.*

Но и в основной отрасли *сельско-хозяйственного* производства России, в продукции *хлеба,* поскольку она существовала для внедеревенского *рынка,* заграница принадлежало руководство. Из всего вывозившегося из деревень и поместий царской империи хлеба — большая половина шла за границу и лишь меньшая потреблялась в русских городах. Притом экспорт хлеба за границу руководился и возглавлялся иностранными фирмами, по отношению к которым русские скупщики играли роль лишь зависимых приказчиков. Да и вообще во всей внешней торговле России, как и в морском грузообороте с другими странами, реши-

тельно господствовал иностранный капитал (три четверти всей внешней торговли, кстати сказать, шло морем).

Мы не останавливаемся здесь еще на *кредитной* зависимости от иностранного капитала довоенного государственного хозяйства и государственного бюджета, ибо она вполне общеизвестна. Известно, что сумма одних выплачиваемых за границу по долгам процентов составляла несколько сот миллионов рублей ежегодно, и что так называемые «казенные» железные дороги и военные заводы, построенные на эти займы, должны были в себестоимости своих изделий и своей работы нести значительную дань в пользу европейского капитала.

Прямое владение многими крупными предприятиями, зависимость длинного ряда остальных, господство в важнейших отраслях промышленной, финансовой и торговой деятельности — вся эта роль иностранного капитала в жизни буржуазной России налагала определенную об'ективную печать на ту массу буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, какая предприятия этого иностранного капитала и зависимые от него прямо или косвенно обслуживала. Как сказано, интеллигенция была у нас в этом смысле одним из приводных ремней между русским хозяйством и иностранным капиталом (с соответственными идеологическими отражениями). Сплошь и рядом она выступала пред рабочим в роли слуги, защитника, представителя не только вообще капиталиста, но еще притом иностранного капиталиста-колонизатора.

Национализация промышленности, банков и внешней торговли, какую провела Октябрьская революция в первый же год своей власти, была в этом смысле для широкой массы обслуживавшей хозяйство интеллигенции национализацией как бы в *двойном* значении этого слова. Во-первых, она насильственно разрывала связь между интеллигенцией и хозяйствующей *буржуазией* вообще. Во-вторых, от положения приводного ремня к иностранному капиталу, от служения ему — советская национализация ставила эту интеллигенцию

на служение интересам *нашего* народного хозяйства. То и другое воспринималось интеллигентской массой, как безумие высшей марки — то и другое шло в разрез с материальными основами ее бытия до тех пор.

Отсюда — непрерывное, настойчивое давление («тихой сапой») всего буржуазно-интеллигентского аппарата всех наших хозорганов в сторону уступок и буржуазии вообще и иностранному капиталу в частности. Отсюда, в свою очередь, обратное влияние наших взаимоотношений с буржуазией и иностранным капиталом на взаимоотношения с массами средней интеллигенции (технической, хозяйственной, чиновничьей, юридической, кооперативной и т. д.).

Существо нашего отношения к буржуазии оставалось, разумеется, все время неизменным по своим конечным целям и по сознанию задач Советской власти на пути движения к этим целям. Но *формы* отношений, при помощи которых мы продвигались к разрешению все той же задачи, менялись, и можно наметить в грубых чертах, примерно, четыре периода:

1. период более или менее дипломатического нащупывания или, как выражались потом наши противники, «заигрывания» (переговоры с Мещерским и т. п.) — примерно, до весны 1918 г.;

2. время открытой и прямолинейной ставки на уничтожение — с середины 1918 г. до второй четверти 1921 г. — так называемый «военный коммунизм»;

3. период сравнительной и довольно относительной терпимости ко все большему выползанию буржуазии на свет, примерно, с половины 1921 г. до конца 1923 г. — первые этапы «нэпа»;

4. ясно обозначившийся к началу 1924 г. курс на сжатие хозяйственной роли буржуазии, заострение политики по линии экономического оттеснения буржуазии с занятых ею торговых позиций — выражаясь схематически-ориентировочно, курс на вытеснение нэпманов из нэпа, но без его отмены.

Первые месяцы Советской власти организовать самостоятельно управление промышленными колоссами было для нее довольно затруднительно. Введением *рабочего*

контроля над производством надо было сначала хоть до некоторой степени накопить конкретные знания о каждом предприятии: какова цепь его хозяйственных связей, откуда и на каких основаниях получает сырье, каким образом и через какой аппарат реализует свою продукцию и т. д. Без таких сведений и без некоторой хотя бы подготовки нашего финансового, снабжающего и распределительного аппарата, на некоторое время предприятия просто остановились бы, если бы буржуазные руководители были полностью устранены в первый же день Советской власти.

Мы стремились, наоборот, в возможно большей мере сохранить фабрики и заводы на ходу. Надо было сразу и подготовлять возможность общего взятия их в дальнейшем в собственное управление (потому повсеместно был введен активный рабочий контроль над производством) и одновременно избегнуть немедленного повального закрытия крупных предприятий самой буржуазией — до тех пор, пока мы хоть несколько сорганизуемся и осмотримся, чтобы быть в силах ее заменить. С целью продолжения пока что буржуазией забот о действии ее предприятий, кроме угроз преследованием за злонамеренную остановку, были предприняты в то время *три* меры.

Во-первых, власть воздержалась от опубликования общего закона об отмене частной собственности на фабрики и заводы и применяла за первые несколько месяцев конфискацию почти лишь в качестве *карательной* меры, притом по отношению только к немногим предприятиям. В книге тов. Осинского о строительстве социализма приведен внесенный *В. И. Лениным* в середине декабря 1917 г. на совещание ВСНХ проект закона о национализации всех крупных акционерных предприятий, не получивший осуществления в то время (и еще долго после того), несмотря на личность автора. Но сам автор не настаивал особенно категорически на немедленном его принятии, очевидно, именно ввиду сложности и незрелости положения и, повидимому, рассматривал его отчасти как ориентировочную нить для будущих работ ВСНХ. Практическая

же линия по части национализации осталась очень осторожной и постепенной. Когда в январе 1918 г. я передал по прямому проводу в Харьков огульное распоряжение национализировать горные предприятия Донбасса, то президиум ВСНХ решительно воспротивился этому. В январе 1918 г. по этой части прошла лишь одна крупная мера — национализация торгового флота, принятая непосредственно под свое руководство Вл. Ильичем. Затем имели место лишь отдельные «карательные» конфискации некоторых текстильных, уральских и др. предприятий (в частности по докладу автора этих строк и приехавшего из Сибири т. П. Воеводина были конфискованы Совнаркомом риддеровские, экибастузские и некоторые другие предприятия *Уркварта*, Кузбасс и пр.), да в конце февраля и начале марта мною (от имени Комитета Хоз. политики, которым тогда руководил) уже не в качестве карательной, а организационной меры были конфискованы заводы Макеевский (Унион), Юзовский (ныне Сталинский), Петровский (все три составляют теперь комбинат Югосталь), затем Мальцевский округ, Брянский завод в Бежице и некоторые другие. Это была группа предприятий преимущественно с французско-бельгийским, отчасти с английским капиталом, и — вместе с утвержденным в январе аннулированием иностранных долгов [1]) и с ноябрьской национализацией бан-

[1]) Аннулирование долгов вызывало особую иронию наших русских и заграничных критиков. Когда значительно позже, летом 1918 г., я приехал в Берлин в составе комиссии по заключению договора о выполнении и пересмотре Брестского мира (Иоффе, Бухарин, Ларин, Сокольников и Красин), то часть газет не удержалась от кивков на «инициатора аннулирования займов» (в которые произвела меня за то, что в ноябре 1917 г. в «Правде» мной был напечатан проект постановления аннулирования долгов), как на своеобразного участника делегации для восстановления экономических связей с заграницей. Опыт ряда протекших лет достаточно показал уже, что одно другого не исключает: считавшееся нашими критиками авантюристским «жестом» — освобождение от громадного бремени царских и военных долгов, — не помешало восстановлению внешней торговли и осталось прочным фактом, наличность которого не мало способствует быстроте постепенного под'ема страны после военного разорения.

ков, — конфискация их способствовала, как можно думать по некоторым признакам, более определенной ориентировке Англии и Франции на военную интервенцию против нас, начавшуюся через несколько месяцев после Брестского мира.

Но подавляющая масса русских и иностранных собственников промышленных предприятий не подвергалась национализации до июня 1918 г., который послужил переломным моментом. Оставляя за ними таким образом на первое полугодие *юридическую возможность* существовать в качестве частных фирм и подчиняя лишь активному рабочему контролю, мы одновременно для того, чтобы этой возможностью они на деле пользовались, *открыли им широкий кредит* и сверх того завязали переговоры об организации русской промышленности на началах соединенной *смешанной* государственной и капиталистической собственности и такого же смешанного управления.

Активность рабочего контроля, по ноябрьскому 1917 г. закону о нем и по составленной затем мной к нему «Инструкции», утвержденной Всероссийским Советом Рабочего Контроля (из которого в декабре 1917 г. родился ВСНХ), заключалась в том, что владелец не мог ничего делать без визы (разрешения) рабочей контрольной комиссии и что постановления этой комиссии были для него обязательны. *Но закон о контроле не заключал в себе принципиального отрицания права хозяина на получение прибыли и не лишал его собственности на свое владение.* Поэтому он не оказался практически неприемлемым для владельцев, и случаи карательной конфискации предприятий за отказ от подчинения рабочему контролю, как сказано, были не особенно частыми исключениями. А так как риск дальнейших расходов на поддержание деятельности предприятий был к тому же в значительной мере перенесен на *государственный кредит*, то капиталисты имели достаточные основания не бросать пока дело (что нам и требовалось) и выжидать либо скорого падения большевизма (на что некоторые из них — далеко не все — в то время все же надеялись), либо исхода переговоров

о такой «смешанной» организации управления и владения промышленностью, о какой мы с ними вести речь начали и при какой их собственническая связь с предприятиями не была бы разорвана.

В центр оказания такого кредита было превращено «Совещание по обороне», унаследованное еще от царского и временного правительств и имевшее право оказывать поддержку военной промышленности за счет эмиссии (печатанья новых бумажных денег). После советской революции учреждение это было снабжено политическим комиссаром (с некоторой чисткой личного состава) и причислено к Наркомвоену. Я провел через ВСНХ передачу его в ведение ВСНХ (в частности—Комитета Хоз. Политики) с расширением его полномочий на финансирование всей промышленности (протест Наркомвоена был оставлен без последствий Совнаркомом, который признал, что ВСНХ имеет право самостоятельно проводить междуведомственные изменения, какие необходимы для организации хозяйства — полномочия тогдашнего ВСНХ соответствовали, примерно, нынешним полномочиям СТО, которого тогда еще не было), после чего Комитет Хоз. Политики назначил его председателем сначала тов. Гуковского (позже перешедшего на должность народного комиссара финансов), а затем тов. В. М. Смирнова (ныне член президиума Госплана, ведающий финсекцией) и, наконец, тов. Чеботарева (если не ошибаюсь, погибшего впоследствии на Кавказе). Отсюда ссуды выдавались самым разнообразным предприятиям, до Общества организации угольных копей в Кузнецком бассейне включительно. Расходование денег должно было происходить под рабочим контролем исключительно на заготовку сырья, топлива, материалов, на выдачу заработной платы, оплату транспорта и т. п., и так как в дальнейшем имелась в виду национализация, то нельзя было считать, что капиталисты просто за государственный счет обогащают собственные предприятия, пользуясь наивностью большевиков. Капиталисты на это, конечно, надеялись; в отдельных случаях, вероятно, им удалось поживиться и при контроле (в силу его неопыт-

ности), но в общем впоследствии при национализации мы нашли на заводах заготовленные на наши ссуды материалы, топливо, изделия и пр.

Третьим моментом для поддержания буржуазией ее предприятий на ходу были переговоры, начатые с ее представителями о закреплении прикосновенности ее к ее прежним фабрикам и заводам путем «смешанной» организации. Советская революция произошла в конце октября старого стиля, и уже от ноября сохранились у меня стенограммы первых совещаний с *Мещерским* под председательством тов. Шляпникова, который был тогда наркомом промышленности и торговли (ВСНХ еще не был организован), одновременно будучи и наркомом труда (в первую коллегию которого входил и я). Мещерский был одним из крупнейших дореволюционных заправил промышленности, стоявший во главе Сормовского и ряда других важнейших заводов, соединяя в себе сразу крупного капиталиста, крупного инженера и крупного организатора. Учитывая политическую победу пролетариата и, видимо, по всей международной и внутренней обстановке считая ее относительно прочной, Мещерский предложил акционировать в одно предприятие все заводы, входящие теперь в состав *Гомзы*, в состав *Югостали*, ряд важнейших *уральских* заводов, царицынский и другие важнейшие металлические, ряд лучших *угольных* копей Донбасса, железные *рудники*, обширные *леса* и т. д. (отчасти *речное* судоходство и обширные площади некоторых бывших помещичьих *полей*). Половина акций должна была остаться собственностью бывших владельцев всех этих предприятий, русских и иностранных, а другая половина предоставлялась советскому правительству. Подобным же смешанным образом должно было составиться и правление. Организация такого общества, охватывающего главное ядро русской промышленности (вернее — тяжелой индустрии) должна была служить прототипом (примерным образцом) для урегулирования взаимоотношений капитала с Советской властью в крупной промышленности вообще. На этих основаниях должен был быть сохранен также иностранный кредит русскому хозяйству и избегнуто военное обострение отношений с капиталистическими государствами.

Изложенное предложение Мещерского сводилось таким образом к попытке избежать конфискации основных средств производства у частных капиталистов, какой они могли ожидать после политического торжества пролетариата. За это они предлагали заплатить нам: 1) половиной дохода — более чем сомнительного к поступлению в первые годы, 2) отсутствием технического саботажа и деловой работой по поддержанию предприятий на ходу, с признанием рабочего контроля, 3) кредитом и отсутствием военной интервенции со стороны иностранного капитала, господствовавшего в русской промышленности.

Тактика наша заключалась в ведении с Мещерским переговоров, с разрывом их, когда они перестали быть нам полезны, т.-е., примерно, через полгода. Первые месяцы после революции были временем лишь постепенного охвата территории (площадей) старого государства новой властью. Напр., до Ростова (где держался атаман Каледин, генерал Корнилов и пр.) и Тобольска (где был Николай II) она докатилась лишь весной 1918 г. Иметь возможность, чтобы фабрики крутились, пока будет закончен хотя бы территориальный охват страны, было весьма существенно. Невозможность на деле организовать молниеносно (во-первых, *сразу*, и во-вторых, во *всей* промышленности) собственную постановку хозяйства, неизбежность затраты сравнительно длительного периода на это, — тоже были очевидны. Отсюда вытекало соображение о предпочтительности в переходный период существования всей неконфискованной еще части промышленности в качестве смешанных, а не в качестве чисто частных предприятий. Наконец, держать в выжидательном положении влиятельные группы иностранных капиталистов, имеющие влияние на политику своих государств, тоже было невредно, пока в самой России шла лишь первая борьба за победу пролетарской диктатуры на всем ее пространстве.

Постепенно эти соображения отпали и оттеснены были существенным изменением обстановки. К весне 1918 г. было закончено первое распространение Советской власти почти на всю территорию государства (поражение украинской рады, утверждение Советской власти на Дону, на Северном Кавказе, в Баку, в Сибири и Крыму и т. д.). Вынужденное согласие на мир с Германией (подписанный 3 марта 1918 г. в Бресте) определило перевес воинственных настроений против нас среди капиталистов Антанты, усиливших подготовку интервенции и поддержку контр-революционных выступлений. Наконец, твердое установление Советской власти к концу весны 1918 г., хотя и на урезанной территории (выход из империалистской войны), подало надежду на «передышку», которая может быть использована для самостоятельного советского государственного организовывания промышленности. Поэтому уже с момента Брестского мира часть хозяйственных работников считала своевременным порвать переговоры с Мещерским и открыто занять позицию общей национализации, напр., я и Ломов (мы были членами ВСНХ и председателем и заместителем председателя числившегося при нем Комитета Хозяйственной Политики, выполнявшего различные функции по производству, финансам и т. д., часто осуществляя предоставленное в то время Высовнархозу право общего экономического руководства и инструктирования).

Но другая часть руководящих товарищей, в том числе тогдашнее большинство ВСНХ, считала момент для этого еще не пришедшим, что приводило иногда к довольно несогласованным действиям. Все это моментально и жадно учитывалось технической и прочей интеллигенцией и влияло на группировки в ее среде. Подобно тому, как в 1924 г. на *торговую буржуазию* сильно влиял поход нашей печати весной 1924 г. против засилья частной торговли, и (по компетентному заявлению наркомвнуторга тов. Лежавы) некоторые крупные дельцы стали внимательно читать «Правду», стараясь определить по разным признакам (кто чаще пишет, каким тоном, в дискуссионном ли порядке

и пр.), какие настроения берут верх. По докладу тов. Лежавы на ЦК совработников, — весной 1924 г. в этом вопросе и среди местных советско-партийных органов создалось «такое положение, когда *мысли публицистических газетных статей*, без всякой правительственной санкции, *без всякого приказа и распоряжения*, сами собой перекинулись в жизнь в виде определенных практических факторов» (из отчета в «Труде» от 24 июня.) [1])

Тем более прислушивались облекавшие буржуазию интеллигентские слои к тем отношениям, какие намечались у известной части ее главарей с нами в 1918 г. Известно, что обще-интеллигентский саботаж конца 1917 г. и начала 1918 г. (ответ на Октябрьскую революцию) менее всего принял открытую форму как раз на фабриках и заводах (сравнительно с прочими отраслями), — здесь господствовало преимущественно выжидательное отношение. Но твердый поворот Советской власти в сторону полной национализации, — вступление во второй период наших отношений с буржуазией, — положил конец и этому налету выжидательности и заменил его определенной, едва скрываемой враждебностью, как основным тоном отношений. Время саботажа, как открытого массового явления, было для технической интеллигенции фабрик и заводов уже упущено (для этого Советская власть оказалась уже слишком длительно-устойчивой в той части страны, где она господствовала). Но неприязнь осталась со всеми своими следствиями: оправданием недобросовестного отношения к делу, распространенностью этой недобросовестности и т. д. Интеллигентские массы служили новому строю в период активной гражданской войны (годы «военного коммунизма»), внутренне этого нового строя не принимая, желая всякой гибели не только преходящим его лишениям — голоду, холоду

---

[1]) Если наши статьи таким образом «перекидываются в жизнь» в качестве «практических факторов», не выжидая иногда специальной санкции, то, очевидно, они не плохо улавливают жизненные потребности, — можно было бы кстати заметить по этому поводу.

и т. п. (как рабочие), но и самым его основам (вслед за буржуазией).

Переход к политике сплошной национализации вместо переговоров о «смешанных» обществах, как сказано, не был внезапным — не были четко отграниченными во времени и повороты в интеллигентских настроениях. Наиболее ярким примером случавшейся разноголосицы среди руководителей советского хозяйства может служить национализация заводов, входящих в Гомзу (Сормово, Коломна, Выкса, Брянский, Мытищи, Феникс и др.). ВСНХ, как учреждение, не признал еще эти заводы подлежащими национализации, и тогда инициативу (почин) взяли на себя члены его Ларин, Ломов и В. М. Смирнов, разославшие от себя телеграфное приглашение всем этим заводам избрать представителей от рабочих и отдельно представителей от технического персонала и собраться на конференцию в Москву для обсуждения вопроса об их национализации. Все заводы явились (май 1918 г.), в зале «Метрополя» около недели продолжалась конференция из более чем сотни членов (техническая интеллигенция мобилизовала первоклассные свои силы, как известного проф. Гриневицкого и др., доказывавших на конференции нежелательность национализации). Весьма сдержанное отношение, чтобы не сказать более, проявлено было к вопросу и со стороны ВСНХ (см. в протоколах речи председателя, также тов. Гольцмана и др.), но конференция приняла мой доклад о национализации, избрала временное бюро национализуемых заводов во главе с тов. В. М. Смирновым и послала делегацию к Ленину (по одному от завода и меня) просить поддержки.

Это была первая столь крупная (и вообще крупная) организованная государственная *промышленная* национализация, притом ядра *металлических* заводов (а роль металлистов в революции известна), и при наличности неосвящения президиумом ВСНХ своим авторитетом агитации за нее, — на Вл. Ильича выпадала потому особо ответственная задача. Надо было или закрепить мнения, что мы не справимся, что не следует увлекаться национализацией и т. п. или сделать практический шаг, который неизбежно должен был стать сигналом для рабочих всех отраслей индустрии предъявить такое же требование об общей национализации и занимающих их предприятий. Влад. Ильич внимательно опросил всех делегатов и написал тут же большое письмо рабочим, основной мыслью которого было, что национализация производится на основе желания самих рабочих и потому они должны приложить особые усилия для успеха дела.

Хотя разные советские инстанции, не совсем удовлетворенные исходом дела, и после того умудрились еще довольно долго тянуть с юридическим оформлением назначения государственного управления, но вопрос был этим уже предрешен. Почти одновременно мною был назначен тов. Гуковский комиссаром над нефтяной промышленностью (для подготовки ее национализации), а приехавший затем из Баку тов. Тер-Габриелян (ныне представитель Армянской ССР в Москве) привез известие, что местные органы власти бакинских рабочих поручили ему настаивать в Москве на полной и формальной государственной национализации нефтяных промыслов, которая и была утверждена Совнаркомом в начале июня 1918 г.

Судьба металла и нефти предрешала и все остальное. Развернувшаяся в июне чехословацкая контр-революция (захват Волги у Самары и железнодорожных и водных путей от нее) ясно свидетельствовала, что на очереди возобновление гражданской войны по всей линии, а никак не организация «смешанных обществ». Хотя не было еще ни разговоров о немедленном издании закона об общей национализации, ни каких-либо подготовительных работ к нему, но ясна была увеличивающаяся возможность и даже неизбежность проведения соответственной линии. Потому, приехав в июне 1918 г. в составе советской делегации в Берлин для переговоров об отношениях после Брестского мира, на первый же вопрос немецкого представителя о наших намерениях я указал, что произойдет национализация всех акционерных промышленных предприятий. Это вызвало сразу конфликт внутри русской делегации, во-

первых, и протест немцев, во-вторых. Немцы заявили, что они готовы терпеть национализацию лишь того, что конфисковано до сих пор, и то при условии вознаграждения владельцев, а всякая национализация после 1 июля (до которого оставалось несколько дней) ими отвергается, а тем паче общая национализация всех акционерных предприятий. Такое заявление от имени империи Вильгельма II, стоявшей тогда внешне на вершине могущества, имело, конечно, весьма существенное значение для слабой в то время республики советов, запертой между Оршей и Уралом, Ленинградом и Белгородом. Наш берлинский посол, тов. А. А. Иоффе, заявил, что заявление тов. Ларина об общей национализации всех акционерных обществ является лишь его личным мнением, а не точкой зрения русского правительства, а я добавил, что не сомневаюсь в совпадении решения русского правительства с этим моим мнением, раз правительство узнает, что в процессе переговоров сразу же встал этот вопрос. После этого мы послали Вл. Ильичу с курьером два доклада — один от тов. Иоффе, а другой за подписью моей и тов. Красина (с которым был солидарен и тов. Сокольников) о необходимости немедленно же, в остающиеся несколько дней, издать закон об общей национализации, написанный мною проект которого был тут же приложен. В этом проекте мы дали подробный перечень отраслей, на акционерные общества которых распространялся декрет (для верности, чтобы не пропустить ни одной, я сверял по бывшему у нас списку всех нескольких тысяч акционерных обществ России), так как ясно было, что в один день нельзя организовать управление тысячами предприятий, то об'являли, что хотя все эти предприятия конфискуются, но бывшие хозяева обязаны под страхом революционной кары продолжать дело на прежних основаниях (в роли как бы бесплатных арендаторов), пока не будет организована у них фактическая приемка предприятий государством.

Вл. Ильич, сейчас же обсудив дело, отдал проект Ломову и сказал, чтобы в течение двух дней законопроект окончательно был проработан и отредактирован в ВСНХ — и 30 июня 1918 г. декрет об общей национализации был уже напечатан в газетах (присланный тогда из Берлина первоначальный проект недавно попал ко мне обратно). Немцы, несмотря на первоначальное недовольство, принуждены были пока стерпеть это (у них начались ожесточенные бои на французском фронте — теперь мы знаем из записок Людендорфа, что они вообще собирались современем послать военную экспедицию в Советскую Россию, но помешало ноябрьское падение Вильгельмовской монархии). А в России прежнее выжидательное хотя бы у некоторых частей технической и т. п. интеллигенции отношение сменилось, можно сказать, общим твердым враждебно-отрицательным отношением средних интеллигентских масс, в каком они и пребывали весь период «военного коммунизма».

Формально состоя на нашей службе, почти вся эта интеллигентская масса, поскольку вообще осмысливала свою деятельность, продолжала гнуть прежнюю линию вплоть до верности тем отдельным капиталистам или капиталистическим группам, с какими была материально связана до революции (и с какими надеялась вновь связаться после чаемого крушения революции — изредка получая притом и кое-какую денежную поддержку от прежних владельцев). Без конца мы наблюдали примеры этого во время длительного процесса осуществления национализации на деле. Фактический приступ к осуществлению июньского декрета начался после того, как в сентябре было разослано Комитетом Хоз. Политики всем Главкам, Центрам и Отделам ВСНХ циркулярное письмо, предписывавшее в каждой отрасли: 1) созвать совещание представителей рабочих и служащих национализируемых предприятий и на нем наметить как состав государственного управления всей группы, так и быстрейшие сроки введения этого управления на отдельных предприятиях с фактической приемкой их от бывших хозяев, 2) произвести первую предварительную концентрацию, т.-е. выбрать лучшие предприятия, на них сосредоточить запасы материалов и пр., а остальные закрыть (работа по улучшению

концентрации продолжалась с тех пор, как известно, пять лет, почти до конца 1923 г. после чего начинается уже в общем постепенное новое развертывание), 3) ввести систему установления наперед *производственных программ* для каждого об'единения предприятий, — которая и держится, все уточняясь, до настоящего времени [1]).

Работа по фактической приемке предприятий от бывших владельцев и по формированию и утверждению ВСНХ государственных правлений заняла после этого, в среднем, около полугода. И здесь можно было особенно наглядно наблюдать, как в процессе оформления правлений и проведения концентрации различные интеллигентско-технические группы усердно стремились обеспечить — каждая «своих» владельцев, на случай их возвращения. На этой почве разыгрывалась борьба внутри аппаратов правлений, какие заводы закрыть и вывезти с них материалы, на каких фабриках побольше сосредоточить взятого с «чужих» фабрик лучшего оборудования, полуфабрикатов, топлива, какие именно предприятия осчастливить на казенный счет

---

[1]) Когда через несколько месяцев закончилась в основном эта подготовительная работа по осуществлению национализации, то тем самым кончились и функции Комитета Хозяйственной Политики и он был упразднен, уступив место «Комиссии Использования», начавшей действовать к началу 1919 г. с функциями регулирования и определения норм распределения результатов производства всех национализованных предприятий и попадавших в руки государства крестьянских продуктов (в том числе распределение среди промышленности сырья и топлива, предопределявшее и производственную деятельность, а равно определение размеров снабжения армии и допустимой в связи с этим ее численности и т. д.). Комиссия Использования, руководившаяся мной с этими функциями до весны 1920 г. (затем — т. Крицманом), одной из первых задач выдвинула натурализацию заработной платы, ввела бесплатную общую и специальную прозодежду для всех рабочих (а равно для школьников, для новорожденных и др.) и т. п. и вообще пошла дорогой вытеснения денег из оборота. Постепенно, особенно в течение 1920 г., приняты были СНК и законопроекты мои о бесплатности хлеба, жилищ, коммунальных услуг, всех государственных изделий и, наконец, транспорта, а равно прекращено было взимание денежных налогов.

проведением к ним под'ездных жел.-дор. веток и разными другими достройками и постройками и т. п. Такая же борьба между отдельными группами обслуживавшей ранее буржуазию интеллигенции (разделявшейся по старым фирмам — группа Рябушинского, группа Третьякова и т. д.) велась и за занятие руководящих деловых постов внутри аппарата отдельных главков (а иногда впоследствии — и трестов). Выслушивая доклады и разбирая споры наших деловых промышленных органов, мы весьма нередко могли почувствовать, что в форме этих «споров на советской платформе» пред нами развивается борьба между собой группировок прежних буржуазных фирм (вернее, продолжается бывшая до революции), а иногда и сравнительно точно это знали. И иронизировавшие между собой немало по адресу нашей недогадливости былые сподвижники буржуазии, не зная того, сами оказывались в положении «обманутых обманщиков»: мы использовывали их, достаточно понимая, что они собой представляют.

Вплоть до самого нэпа общий тон взаимоотношений интеллигенции с советским строем сводился таким образом к следующему. Немногочисленная *верхушка* крупных техников и ученых к началу нэпа была уже *в общем*, выиграна для приступа к практической работе, начинала до некоторой степени верить в серьезность постановки задач, колебнулась уже несколько в сторону приятия и рабоче-крестьянской России, а не только России царско-капиталистической. Примером может служить выяснившаяся в начале 1921 г. (до нэпа) возможность сформировать Госплан из ряда крупных величин.

Основная сотнетысячная масса *средней* интеллигенции шла еще в то время всецело за буржуазией, в форме советской службы, насколько возможно продолжая служение интересам буржуазного общества и опять-таки насколько возможно более или менее осуществляя осторожный скрытый саботаж советской работы, поскольку в нее неизбежно приходилось вкладывать и противобуржуазное содержание; рассматривая, наконец, самое свое бытие в рамках нового государства

не как нечто прочное, требующее серьезного отношения и устройства жизни, а как своего рода временный походный лагерь (до «скорого падения большевиков»), закон которого — пока на данный момент что-нибудь урвать для себя, а там хоть трава не расти на месте всего этого лагеря. Это был своеобразный период, когда высшее правительство вместе с рабочими (и отчасти крестьянскими) массами вело длительную и упорную борьбу со своим собственным служебным аппаратом, чуждым и правительству и массе, но не могущим быть ничем замененным по отсутствию еще для этого достаточного количества подготовленных элементов. Их только надо было начать подготовлять, а такая подготовка требовала годы, особенно при тех количествах, какие должны были быть вдвинуты в дело.

Война власти со своим аппаратом велась хотя «партизански», но настолько очевидно, что Вл. Ильич печатно предлагал коммунистическим руководителям наших аппаратов внимательней смотреть, кто кем владеет и правит: они порученным им аппаратом или этот аппарат ими. Не потерянная еще в то время средней интеллигенцией надежда на падение большевизма и тяжесть окружающей обстановки мешали внутренней *переработке* этой интеллигенции на советский лад. А достаточно новых элементов для *замены* ее ими еще не создалось. И приходилось продолжать дальше этот «брак по неволе». Желание наше освоить интеллигенцию с советским делом разбивалось еще в то время о живое нежелание среднеинтеллигентских слоев «переориентировываться».

Что касается *низовой* интеллигенции (учителя и учительницы начальных школ, сельский агрономический персонал и т. п.), то во все эти годы (1917 — 1921) она целиком и полностью шла за средней интеллигенцией, и потому в нашем изложении на ней пока особо не приходилось останавливаться. *Процесс высвобождения низовых полупролетарских интеллигентских элементов из-под влияния и руководства средней интеллигенции буржуазного склада*, процесс для нас исключительно важный, начался только значительно позже.

В сколько-нибудь заметных размерах он обозначился лишь с 1923 г., когда наглядно стали вырисовываться *первые крупные успехи рабочего класса в положительном хозяйственном строительстве*, а не только в военной обороне.

Разумеется, этот процесс *высвобождения* полупролетарской по положению низовой интеллигенции от духовно-политического руководства проводников буржуазного влияния — не равнозначущ еще с полным *перерождением* ее на идейно-пролетарский лад. Но является уже серьезной и обязательной предпосылкой для него. В отличие от средней интеллигенции (технической, судебной, чиновничьей, литературной и пр.) — низовая интеллигенция, напр., учительство низших школ, не стояла в прямой материальной связи с непосредственным обслуживанием капитала. И по имущественному своему положению эти слои не отличаются значительно от квалифицированного рабочего. Никакого ущерба для спроса на их труд от нарушения нами принципов частной собственности на средства производства также не предвидится. По всем этим причинам, когда главные тягости в положении страны для пролетарской диктатуры стали проходить, когда мы смогли готовиться начать подымать материальный и общественный уровень интеллигентских низов — с их глаз стала сравнительно быстро спадать шелуха и слепота по отношению к принципам, *к основам* нового строя, навеянные влиянием буржуазной идеологии, ранее всецело среди них господствовавшей (иногда еще в оболочке даже из добуржуазных, поповско-царистских, пережитков).

Новый советский строй на ближайшие годы несет под'ем уровня для тех, кто был внизу при буржуазии, и некоторое понижение для тех, кто был выше (при чем, разумеется, теперь не прежняя и общая средняя, по отношению к которой определяется относительная группировка). Впоследствии будет такой общий под'ем, какой вообще далеко перегонит все средние нормы дореволюционного времени, но до этого надо еще дожить, а до тех пор мы имеем и будем еще ряд лет иметь дело

именно с таким *двусторонним* процессом. Это означает, что вся *средняя* интеллигенция, от технической до чиновничьей, считается и должна считаться в ближайшие годы с более низким уровнем своего реального заработка, сравнительно с довоенным, даже при дальнейшем хозяйственном под'еме. Между тем, для *низовой* интеллигенции достигнуть при под'еме своего довоенного уровня (и даже перешагнуть его) будет гораздо легче именно в силу гораздо более низкой его величины. Все эти моменты для подсознательных и сознательных предпосылок той или иной ориентировки имеют значение, не требующее особого подчеркивания.

Таким образом и по об'ективному общественному положению и по материальным перспективам, низовой интеллигенции есть все основания думать, что в отношении нее новое пролетарское государство может итти не путем ее массовой *замены* заново создаваемыми элементами (что не исключает *пополнения*), а путем общественно-политической *переподготовки* при искреннем внутреннем перерождении и высвобождении из-под влияний буржуазной и добуржуазной идеологии. Иначе в значительной мере обстоит дело с довольно крупными частями масс *средней* интеллигенции. Опыт нашей революции, — не только первого периода и военного коммунизма, но и нэпа, — показал, что победивший пролетариат не может пользоваться не только старым готовым государственным аппаратом буржуазного общества (ср. Маркс по поводу Парижской Коммуны), но не может удовлетвориться и унаследованным от прошлого личным составом среднеинтеллигентских масс. Конечно, совершенно потерять весь этот запас сил было бы слишком неэкономно, он должен быть использован по крайней мере в своих специальных знаниях, насколько возможно. Недаром на эту задачу с особой энергией указывал и Вл. Ильич еще на I с'езде совнархозов (май 1918 г.), недаром подчеркивает ее и наша программа. *Безумие* было бы просто махнуть рукой на всю старую интеллигенцию даже средних слоев, не пытаясь и ее впречь в дело. Но пределы этой возможности, поскольку она должна была бы сопровождаться внутренним доверием, ограничиваются здесь слишком крепкой пуповиной, связывавшей большую часть среднеинтеллигентских слоев с буржуазией. Как старозаветные евреи не могли войти в Ханаан, а это было дано лишь их второму поколению—так и основные массы средней интеллигенции, связывающие свое благосостояние с господством буржуазных отношений и проникнутые буржуазной идеологией, не могут быть, повидимому, *внутренне переработаны*, а могут быть только *внешне приспособлены* к более или менее добросовестному выполнению соответственных функций в советском государстве. И почти только среди детей их, вырастающих в совершенно других условиях, заметны бывают уже иногда признаки другой ориентировки — и то не слишком часто. В отношении к функциям, выполняемым *средней* интеллигенцией, пролетарскому государству приходится поэтому, не возлагая особых надежд на перерождение (в отличие от полупролетарских интеллигентских *низов*), итти для будущего преимущественно путем усиленной подготовки *замены*. Потому мы особенно усиленно подготовляем *новую советскую интеллигенцию из рабочей молодежи*, как раз для замены средних, а не низовых интеллигентов. Проходящие тысячами и десятками тысяч рабфаки и вузы рабочие и работницы готовят ведь как раз смену среднему интеллигентскому персоналу, а не сельским учительницам и т. п.

Польская война 1920 г. захватила средние слои некоторым националистическим под'емом, пережитые настроения облегчили для них приспособление к факту существования советского строя, но его смысл и основы остались для этих слоев столь же чуждыми и подлежащими отрицанию, как и раньше. Ярче всего это показала смена интеллигентских настроений в годы новой экономической политики, 1921 — 1924 г.г. Пока средняя интеллигенция ошибочно думала, что большевики осторожно и постепенно, но все же вернутся к буржуазному строю, все шире разворачивая для этого роль частного капитала в нэпе — среди этих интеллигентских слоев быстро распространялось так называемое «сменовехов-

ство» и различные его оттенки. «Смена вех» заключалась в том, что эти круги заявляли о желании своем отныне работать над «деловым возрождением России» вместе с советской властью не только против воли из-за безопасности, дохода и т. п., но и искренно. Но они не скрывали, что причиной такой смены вех считают не признание ошибочности собственного отрицания задач и существа советского строя, а, наоборот, свое мнение, будто советский строй начинает уже видеть невыполнимость своих задач и ошибочность основ и готов начать «на тормозах» спускаться обратно в буржуазное болото. И когда партия вновь и вновь подтверждала, что ничего подобного нет, что новая экономическая политика есть лишь более удобный прием при данных условиях добиваться тех же целей, и что едва мы хозяйственно подправимся после войны, сейчас же возьмемся со всей энергией за решение вопроса «кто кого», т.-е. мы новых капиталистов или они нас экономически вытеснят и одолеют (ср., напр., известные речи В. И. Ленина на эту тему), — то «переменившая вехи» среднеинтеллигентская масса только снисходительно усмехалась. «Болтайте, мол, болтайте, мы знаем, что вам приходится это говорить «для рабочих», чтобы не дразнить их уничтожением всех иллюзий, а на деле вы так же хорошо понимаете, как и мы, что от нэпа может итти дорога только к все более широкому развертыванию буржуазии и ко все более полному восстановлению буржуазных отношений, а никак не к социализму» — вот что отвечали нам сменовеховские элементы буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

С этой точки зрения оценивали они и те меры, какие проводились после окончания войны в смысле частичного изменения внутреннего строя отношений на фабриках и которые до некоторой степени (довольно скромной, надо сказать) давали тон и рождали отзвук и в других сторонах жизни. Мы указали уже на отрицательное отношение рабочих к средней технической и организаторской интеллигенции (особенно на предприятиях) в период возникновения Советской власти и на корни его. Понятно, что совершенно очевидное отношение интеллигенции к гражданской войне во все ее годы не могло смягчить этого настроения. Интеллигент был на фабрике на положении поднадзорного, фактическая власть на предприятии все годы «военного коммунизма» принадлежала профсоюзу и фабзавкому, действовавшим под руководством парторганизаций. Управляла предприятием или коллегия с рабочим большинством или рабочий директор, назначавшийся совнархозами по обязательным указаниям профсоюзов. Ставки окладов промышленной интеллигенции не очень значительно превышали фактический заработок высококвалифицированных рабочих. Во всех действиях она была лишена самостоятельности, подчинена и внутреннему контролю профсоюзных фабзавкомов, и надзору предварительной инспекции РКИ, и сугубо централистической зависимости от Главков, Центров и отделов ВСНХ и совнархозов — отказ в доверии и самостоятельности пропитывал все отношения. Ничего иного и нельзя было ожидать в период войны по отношению к «внутреннему врагу», которого приходилось терпеть на предприятиях и в учреждениях по отсутствию для него замены.

В период войны работа промышленности, как известно, почти замерла по отрезанности источников и отсутствию сырья и топлива. К концу войны, к 1921 г. продукция всей промышленности упала в среднем в восемь раз против довоенного, лишь несколько превышая 12% от размеров ее в 1913 г. (в тех же границах). При таких условиях и при невозможности изменить их в те годы, когда не было ни донецкого угля, ни кавказской нефти, ни туркестанского хлопка, ни сибирских кож и шерсти и т. д. — интеллигентский персонал на фабриках и об'ективно не мог иметь такого значения, какое он приобретает при возникновении возможности развертывания промышленности, при необходимости *организовать под'ем производства на каждом отдельном предприятии* и т. д.

После окончания войны как раз и создались условия для возможности начала промышленного возрождения. Прекратился громадный расход страны на войну (и вещами и рабочей силой). Значительная часть этих

средств получила возможность быть вложенной в дело хозяйственного под'ема. Ставшее необходимым признание рыночных методов хозяйственной связи вело к ослаблению централизма и диктатуры единого государственного центра в промышленном управлении, а окончание войны ослабило несколько настороженность недоверия ко входившим или могшим войти в его состав нерабочим элементам. Увеличение об'ективной важности интеллигентской (особенно технической и финансово-организационной) работы в промышленных предприятиях вызывалось, во-первых, самим фактом под'ема, во-вторых, рыночными методами его, в-третьих, неподготовленностью к ним рабочих организаторов (легче справлявшихся с простыми «натурализованными» отношениями военного коммунизма).

Следствия всего этого были весьма благоприятны для промышленной интеллигенции. Важность ее работы и явившаяся (благодаря прекращению войны) практическая возможность использовать ее повели к некоторому изменению реального отношения к ней — она стала более нужной. Рабочему классу приходилось не выпячивать своего отношения к позиции интеллигенции относительно буржуазии, а больше приучать себя к оказанию внимания и старого типа специалистам. Господствовавшее еще отношение несколько свысока к «спецам» (с ударением на последнем слоге) стало дополняться иногда показательными процессами против рабочих за неправильное отношение к специалистам. Жалование средней интеллигенции, технической и административной (инженеров, некоммунистических ответственных работников ВСНХ и трестов, финансистов и т. д.) было высоко поднято над средним заработком рабочего (также возросшим). На предприятиях повсюду введено единоличное управление, при чем, в отличие от предыдущего периода, рабочие стали составлять лишь значительно меньшую часть всех директоров. С проведением постановления о невмешательстве профсоюзов в распорядительную деятельность фабричной администрации ослабела несколько и прежняя роль на предприятии фабзавкома. Одновременно рыночные методы хозяйства принесли

администрации заводов увеличение самостоятельности и по отношению к государственным верхам, ослабили зависимость от диктаторского руководства более высших центров. Общее повышение важности роли и общественного положения этих слоев интеллигенции создавало благоприятный фон и для таких явно вызывающих «перегибаний палки», как начавшиеся в первый год нэпа многочисленные требования бывших квартировладельцев из этой среды о возврате им мебели из их бывших квартир и т. п., даже удовлетворявшиеся иногда судами (что вызвало, между прочим, внесение мною, принятой ВЦИК, поправки, воспрещавшей требовать обратно отобранное до 22 мая 1922 г.).

Рабочий класс, приступая с 1921 г., т.-е. по окончании войны, к восстановлению промышленности, не имел возможности по отношению к промышленной интеллигенции держаться во внутри-фабричных отношениях иной линии, чем какой он стал держаться практически с 1921 г. Она была слишком нужна еще и потому, что собственного уменья управляться с делом при рыночных методах не было («нас не учили торговать» — сказал в речи Владимиру Ильичу на московской губпартконференции в 1921 г. один из самых крупных наших рабочих с разносторонним опытом управления хозяйством в период военного коммунизма), — а ждать было нельзя. Отдельные случаи чрезмерного использования средней интеллигенцией буржуазного склада преимуществ создавшегося положения (длинный ряд корреспонденций «Труда» отмечал даже такие факты, как принуждение ломать перед собой шапку, брань, рукоприкладство, нахальство с женщинами, игнорирование фабзавкомов, пренебрежение насущнейшими нуждами рабочих при возможности их удовлетворения и т. д.) и бывавшие иногда проявления «перегибания палки» с советской стороны во внедрении нового отношения к специалистам — все это не меняет того, что переориентировка внутрифабричных отношений к промышленной интеллигенции действительно была исторически неизбежной и необходимой при переходе от постепенного разрушения периода войны к постепенному восстановлению после нее.

Разумеется, главное и в послевоенные годы сделал сам рабочий класс непосредственно — напр., самоотверженной политикой самоограничения роста заработной платы (и ее кредитованием) государству путем задержки выплат облегчая финансовое положение предприятий и развертывание ими производства (сюда же относится часто наблюдавшееся поднятие интенсивности и производительности труда выше степени приближения заработной платы к довоенным величинам). Но в деле упорядочения и поднятия промышленного производства за 1921 — 1924 годы с 13% до 42% довоенного уровня, несомненно, сыграло роль и улучшение работы всего интеллигентского аппарата промышленности, стоявшее в связи с указанными выше переменами условий его деятельности.

Но сама среднеинтеллигентская масса во всем этом видела, как сказано, нечто иное, а именно — признаки того поворота к возврату буржуазных отношений, какие она усматривала вообще в новой экономической политике и чаемом ею дальнейшем ее развертывании в сторону роста роли буржуазного капитала и его общественного влияния. Понятно отсюда то разочарование среднеинтеллигентской массы, то охлаждение в «похвалах» Советской власти, одним словом, то крушение «сменовеховских» чаяний (нашедшее себе выражение даже в прекращении главного сменовеховского органа — газеты «Накануне»), какое наступило, когда с непреложностью и ясностью выяснился и для нее действительный ход развития. Когда оказалось, что улучшение хозяйственного положения страны в послевоенный период при нэпе ведет не к победе буржуазных тенденций, а к такому хозяйственному укреплению организовавшегося в государство пролетариата, *какое он смог сделать исходным пунктом нового наступления на буржуазию*. Наиболее яркое выражение нашло это в проведении, на основе хозяйственного под'ема, *денежной реформы* и курса на вытеснение буржуазии *из торговли*, оптовой и розничной, равно как в особом подчеркивании партс'ездом директивы об *осторожности в концессионной политике*. Вместе с тем несколько лет практики

при нэпе *успели выдвинуть и из рабочей и коммунистической среды все увеличивающееся количество приспособленных к ней организаторов* (а рабфаки и вузы десятками тысяч готовят уже нам социально свой персонал для разных отраслей жизни).

Эти два обстоятельства, — достигнутая уже постановка на прочные ноги хозяйственного под'ема и накопление опыта в рядах самих рабочих и их организаций, — подорвали несколько ту исключительную важность и незаменимость почти *монополистов*, каким обладала «интеллигенция специалистов» в 1921 г. Нынешний, летом 1924 г. заканчивающийся хозяйственный год, привел уже к обратному изменению ряда проявлений, имеющих значение для общей характеристики отношений. Вместо показательных процессов о необходимости соответственного отношения к буржуазным специалистам — в 1924 г. перед нами проходит ряд показательных процессов о связи технически-организаторской интеллигенции со старой буржуазией, из-за границы точащей зубы на «свои» конфискованные предприятия (процессы луганских, кадиевских, уральских, серпуховских и др. инженеров и трестовиков). Роль профсоюзов и фабзавкомов вновь на деле значительно вырастает в связи с появлением «производственных совещаний» и созданием при фабзавкомах совещательно-контрольных комиссий над торговлей и над производством. Накопление опыта у рабочих позволило вновь значительно увеличить процент рабочих и коммунистов среди директоров предприятий и трестов. Вместо более быстрого роста заработной платы специалистов — она при денежной реформе сокращается на 20%, тогда как зарплата рабочих частью удерживается на прежнем уровне, частью хотя и сокращается, но в меньшей степени. Вместо почти полной автономности трестов от ВСНХ в 1922 и в 1923 г.г. — они подтягиваются теперь к руководящему влиянию государственных центров (напр., лишение их свободы определения *цен* жизненного нерва рынка). Учреждение и изменение задач местных партийных контрольных комиссий (органов ЦКК) приводит к усилению зависимости и от партийного надзора

и вмешательства, благотворные последствия чего в длинном ряде случаев уже доказаны — но что никак не усиливает внутрифабричных позиций среднеинтеллигентской массы. И если искать отражений и параллелей хотя бы в той же жилищной области, о какой мы упомянули в связи с 1921 г., — то для той же Москвы, напр., мы найдем здесь в 1924 г. уже не попытки отнятия мебели от рабочих, а фактическое выключение от участия в перевыборах правлений жилтовариществ тех элементов среднеинтеллигентской массы, которые, формально являясь служащими, все же отмечены печатью связей или симпатий по отношению к буржуазии.

Почти не скрываемое разочарование сменовеховских элементов в том обороте, какой приняла новая экономическая политика при постепенном улучшении хозяйственного положения и росте пролетарского опыта, — лучше всего показывает более чем относительность того «приятия» Советской власти, какое было об'явлено ими после начала нэпа. Они готовы были признать советскую *власть*, когда вообразили, будто она способна переродиться и отказаться от советского *строя*. Ход жизни достаточно показал им неосновательность таких ожиданий — и еще раз подтвердилось, что *отношение к нам массы унаследованной от прошлого средней интеллигенции, есть лишь производное от отношения буржуазии*. Притом опять-таки прежде всего от отношения буржуазии *международной*.

Начало нэпа европейская буржуазия приняла, как крушение большевизма — в буржуазной печати Лондона и Парижа, Берлина и Нью-Йорка не было на этот счет двух мнений. Европейская печать полна была сообщениями, будто мы частью сдали в аренду и частью прямо денационализовали (вернули в собственность бывшим владельцам) уже почти всю промышленность. Так и писали постоянно и систематически все идеологи, представители и прихвостни международного капитала, до социал-демократов включительно (играя этим также на удержание своих рабочих от социалистических революций — все равно, мол, ничего из них не выходит, и

приходится возвращать обратно). На почве большого и длительного шума об этом и при отсутствии достаточных сведений из России, подобные представления распространялись иногда даже в рабочей коммунистической среде. Приехав летом 1922 г. в Берлин и делая сообщение о нашем внутреннем положении группе немецких коммунистов, среди которых находились и некоторые весьма ответственные товарищи, я обратил внимание на движение при сообщении, что у нас сданы в аренду и находятся в частных руках фабрики и заводы не более чем *с пятью* процентами рабочих. И затем некоторые ответственные немецкие товарищи еще просили доверительно им сказать, правда ли, что у частных фабрикантов занято всего 5% фабрично-заводских рабочих, или это сказано лишь для ободрения слушателей — настолько даже в этой среде пустило кое-где корни сомнение, может мы и впрямь денационализовали если не всю госпромышленность, то хоть крупную долю ее.

Подобная оценка европейской буржуазией непонятого ею нэпа или неправильное предсказывание его конечных результатов, в весьма значительной степени определили собой появление на ее лице более «благожелательной» гримасы по нашему адресу. Сюда относятся торговый договор 1921 г., заключенный Ллойд-Джорджем с т. Красиным, приглашение нас на Генуэзскую конференцию, допущение фактического начала торговли с нами в ряде стран, еще официально не признавших советское государство ни де-факто ни де-юре, и т. д. Было бы крайне близоруко приписывать этот оборот дела и прекращение военной интервенции *только* торжеству советской власти над внутренней контр-революцией. Наоборот, внутренняя контр-революция потеряла два существенных источника питания ее сил, как раз в связи с новой экономической политикой. Во-первых, она действительно дала известные гарантии развития *мелкобуржуазному* хозяйству известных слоев крестьян, ранее рекрутировавших армии Самарской Учредилки и Колчака, банды Махно и тамбовских и иных повстанцев. Во-вторых, *крупнобуржуазная* Европа неправильно усмотрела в ней начало мирной

ликвидации большевизма (более дешевой к тому же, чем военная), требующей лишь *«мирного экономического проникновения»* в советское государство, а не войны с ним. А между тем союз этих двух групп и был тем блоком, против которого три года вел свою отчаянную борьбу русский пролетариат, опираясь на массы крестьянской бедноты (прежде всего — центральной России).

Мы указывали уже, что в русской промышленности, банках и внешней торговле господствовал иностранный капитал (главным образом англо-французский, что предопределило и военный союз царизма с Антантой). Россия была капиталистической колонией заграницы, туземная буржуазия играла второстепенную роль. *Если борьба английского и американского пролетариата за социализм должна разыграться прежде всего против туземного же английского и американского капитала,— то борьба за социализм пролетариата русского должна была вестись в основном против капитала иностранного.* Это облегчало, конечно, русскому пролетариату политическую борьбу внутри страны в такой большой степени, на какую не могут пока рассчитывать ни германские, ни французские или английские рабочие, имеющие против себя в своих странах собственную сильную буржуазию, глубоко сидящую корнями в местной почве. Но это же определяло, как указано, зависимость и параллелизм поведения русской буржуазной (обслуживавшей буржуазию) интеллигенции с линией европейского капигала.

В период «военного коммунизма» мировая буржуазия и слышать не хотела о «большевистских насильниках»— и массы русской средней интеллигенции явно пылали к нам ненавистью. Нэп был понят всеми Ллойд-Джорджами, как начало мирной «на тормазах» экономической капитуляции большевизма [1] — и среднеинтеллигентские массы начинают сменовехствовать, не даром и сам лозунг «смены вех» раньше всего был формулирован именно среди интеллигентских групп, находившихся за границей). Накопление нами экономических сил за период нэпа обнаруживает определенный курс наш на экономическое оттеснение частного капитала (постановления о торговле в декабре 1923 г., отказ от мысли о значительных нефтяных концессиях в Баку и Грозном и т. д.) — и «Европа» опять хмурится, говорит о «рецидиве», а наша средняя интеллигенция вновь впадает в политическую хандру. Та легкость, с какой германское правительство решилось предпринять весной 1924 г. налет на берлинское торгпредство СССР, не в малой степени подготовлена той оценкой нашего курса последнего года, какая постоянно повторяется буржуазной печатью в Европе.

Существенно отметить, что *принципы советской власти в отношении к экономическим связям с иностранным капиталом оставались тождественными* и перед «военным коммунизмом», и во время него, и после него. Нельзя об'яснять изменение поведения европейских буржуа тем, что мы изменили предлагаемые им нами начала регулирования взаимных отношений, ибо этого не было. Нет, их поведение об'ясняется *их* представлением об об'ективной линии развития России в каждое данное время. Так, даже те из них, которые допускали, что большевики, может быть, и искренне, не собираются через нэп возвращаться к буржуазному

[1] Самоослепление европейских буржуа наглядно иллюстрируется тем, какую речь (по сообщению «Правды»), бывший тогда председателем английского совета министров Ллойд-Джордж счел возможным произнести (в начале 1922 г.) по поводу имевших место у нас споров о пределах и ограничениях некоторых сторон новой экономической политики (см., напр., мои тогдашние статьи в «Правде» о необходимости некоторой «коммунистической реакции» против перегибания ставки на «разбазариванье», т.-е. на торговлю с частным капиталом, против отвергающего плановое овладение рынком нового «либерализма» и т. п.). В этой речи Ллойд-Джордж заявил, что, положительно оценивая отказ от «военного коммунизма» и переход к нэпу (в расчете на его дальнейшее развитие в присущую «цивилизованным» народам сторону), он находит необходимым, чтобы Советская власть дала еще *«гарантию»* в виде отстранения от руководящего участия в хозяйстве своих *«экстремистов»* («крайних»), — пытающихся мешать «естественному» (по мнению Ллойд-Джорджа) дальнейшему развитию нэпа.

строю — убеждали себя и других, что (воображаемая ими) «логика» действительности окажется сильнее подобных «наивных» мечтаний, и что раз допущено легальное участие буржуазии в хозяйстве, то неизбежно разовьется из него и полное восстановление буржуазного строя. И теперь, когда жизнь обманула их ожидания, когда нэп не развалил партию и не ослабил государственного хозяйства, когда, наоборот, к нам прибыли новые сотни тысяч рабочих и на основе своего экономического превосходства пролетарское хозяйство уже начинает бить частный капитал, — теперь все европейские буржуа, сердясь на свое разочарование, сердятся на нас.

Между тем, если взять основные практические вопросы взаимоотношений с иностранным капиталом — национализация, концессии, внешняя торговля, — то можно установить следующее.

Советская власть всегда стояла на позиции *национализации*, и если не осуществила ее формально с первого же дня, то лишь по условиям, достаточно уже указанным. Во всяком случае уже в первый же месяц нашей власти было обнародовано от СНК за подписью В. И. Ленина оповещение, что национализация средств производства будет проведена (на банки она распространена уже в 1917 г.), а с середины 1918 г. она оформлена уже и юридически и затем по всей линии осуществлена и практически. Никакой принципиальной или практической разницы для иностранного капитала в этом отношении между периодом военного коммунизма и периодом нэпа нет.

Затем, в смысле *внешней торговли* с первых же дней мы ставили целью подготовку ее монополии (о чем об'явлено было, напр., уже в середине ноября 1917 г. в «Известиях» в изложении программы для экономического отдела ВЦИК, существовавшего до учреждения ВСНХ). Первой подготовительной мерой было распубликование мною длинного списка запрещенных к ввозу и вывозу товаров (действовавшего до наступления летом в 1918 г. блокады) и введение правительством разрешительной системы на ввоз и вывоз остальных

товаров вообще. Первое время рассмотрением этих заявок занимались т. Зайдлер (бывший также первым хронологически работником ВСНХ, — кроме его членов, умер в 1924 г.) и т. Тер-Ваганян (впоследствии один из инициаторов основания рабфаков и организатор журнала «Под знаменем марксизма»). Затем дело это перешло к т. Бронскому, при котором еще весной 1918 г. прошел декрет о монополии внешней торговли. Так что и в этом отношении для иностранного капитала ни принципиальной, ни практической разницы между нэповским и донэповским временем нет. У нас уже более шести лет существует государственная монополия внешней торговли, дополняемая, правда, некоторой контрабандой, грабительскими условиями владельцев иностранных судов (на которых приходится перевозить большую часть товаров за недостатком собственных пароходов) и несколькими, иногда малоудачными, соглашениями с небольшим числом специальных смешанных обществ (как общество Вольфа, работа которого была приостановлена), не прибравших, впрочем, к своим рукам сколько-нибудь значительной ее части.

Наконец, по части *концессий* мы имеем лишь постепенное уточнение их возможных об'ектов, но не переход от отрицания допустимости концессий к его признанию. Примерно, месяца через полтора после октябрьской революции, как было сообщено в свое время в «Известиях», я предложил оффициальному представителю американского правительства в концессию *Камчатку* — с условием, чтобы Америка нас признала и начала с нами торговлю, не требуя уплаты царских долгов. Нельзя сказать, чтобы это предложение было принято неблагосклонно. Наоборот, через некоторое время произошел даже такой случай, что в то время, как другие правительства ограничивались преимущественно «благородным негодованием» или угрозами по нашему адресу, тогдашний президент Североамериканских штатов Вильсон прислал прямо С'езду Советов телеграмму с какими-то полупожеланиями или полунадеждами. Никаких, впрочем, как известно, практических последствий все это тогда не имело, Камчатка

была затем захвачена японцами и лишь не так давно нами возвращена, а Америка выровняла фронт с остальной Антантой и приняла активное участие в военной интервенции против нас.

Во всем об'еме и принципиально вопрос о концессионной политике был обсужден советской властью уже в апреле — мае 1918 г., перед отправкой в Берлин для участия в переговорах с Германией Бухарина, Сокольникова и меня. Под председательством В. И. Ленина в Кремле состоялись собрания для обсуждения вопроса об основах наших взаимоотношений с иностранным капиталом вообще и с Германией в частности. В результате был принят предложенный мной текст (проработанный предварительно в подкомиссии из Ларина, Радека и Бронского), некоторые существенные части которого были оглашены затем т. Чичериным на июльском 1918 г. с'езде советов (когда мы были уже в Берлине), как выдержка из наказа нашей делегации для ведения переговоров. Там имеется вся премудрость, которую мы с тех пор вынимаем из кармана при всяких переговорах с иностранцами, а в том числе и допущение концессий. Так что и в этом отношении для иностранного капитала принципиальной разницы между военным коммунизмом и нэпом нет.

Правда, практически об'ем признававшихся дискутабельными (возможными для обсуждения) предметов концессий, в зависимости от обстоятельств, понятно, несколько колебался, и в этом отношении можно наметить три периода. Первые годы, до голода 1921 г., мы ставили ударение на разработке иностранным капиталом *неиспользованых природных богатств* России. Напр., в 1918 г. в Берлине в качестве примеров приводились постройка очень большой электрической областной станции на Свири (на сотни тысяч лошадиных сил) и разработка почти неэксплоатируемых нефтяных источников на Эмбе с проведением туда железной дороги, а равно создание новой красочной промышленности, почти не существовавшей в России. Немцы в то время, естественно, не собирались заниматься у нас серьезными концессиями, ибо, во-первых, все капиталы вкладывались ими в то время в обслуживание потребностей войны, а во-вторых, они желали выждать, насколько прочным учреждением вообще окажется советское государство. Когда через год — полтора приехали для общих политических и хозяйственных переговоров с нашим правительством полуофициозные представители Антанты, то для обсуждения с ними концессионных возможностей они были направлены, между прочим, ко мне и предложили в качестве солидного условия для обеспечения мира и пр. — сдачу франко-английскому капиталу в концессию *всего Донбасса*. Отклонив даже обсуждение этого вопроса по его полной политической и экономической неприемлемости, я указал им на обширные работы по обводнению Туркестана с созданием громадных хлопковых плантаций, способных в заметной мере освободить не только нас, но и Францию и Англию от хлопковой зависимости от Америки, на неиспользуемые леса нашего Севера, на сахалинскую нефть и т. п. Ничего из этого не вышло[1]), равно как из дальнейших переговоров с иностранцами о постройке «Великого Северного жел.-дор. пути» (из Сибири к Белому морю с крупными лесными концессиями), так как иностранный капитал все время стремился не к тому, чтобы увязывать новые крупные свои средства на территории Советской страны, а к тому, чтобы получить в свои руки что-либо уже готовое и оборудованное и начать просто снимать сливки его эксплоатацией с малым

[1]) Вполне разработанным технически виднейшими иностранными и русскими специалистами является поворот реки Аму-Дарьи в Каспийское море по новому руслу верст на тысячу (от границы Афганистана), который должен дать несколько миллионов десятин одних только хлопковых плантаций при стоимости работ меньше Суэцкого канала. В ряде случаев мы пытались и своими силами начинать работу по проектируемым концессиям, но там, где дело шло о слишком крупных работах, их приходилось бросать. Начаты и брошены работы по подготовке Свири для электроустановки, по сооружению железной дороги на Эмбу и др. На ирригацию (обводнение) Туркестана (в гораздо более скромном масштабе, конечно) по бюджету на 1924 — 1925 г.г. отпускается теперь 7 милл. руб. (по сообщению «Фин. Газ.» от 15 июля).

риском и большой прибылью. По этой причине никаких почти практических результатов из всяких концессионных переговоров во весь этот первый период и не получалось.

Второй период начинается, когда с одной стороны сильнейший *голод* 1921 — 1922 года, а с другой крайнее экономическое *истощение* после многолетней войны, какое незадолго перед тем побудило нас заключить мир с Польшей на гораздо менее выгодных условиях, чем какие соответствовали нашим силам, лишь бы он был быстрее, — когда все это понудило расширить круг возможных об'ектов концессий включением в него *некоторых уже существующих предприятий*, преимущественно из стоящих у нас без дела по отсутствию средств или хотя и действующих, но используемых слишком слабо. Полный список их был выработан ВСНХ и опубликован Наркоминделом в отчете о Гаагской конференции 1922 г. Он опротестован мною на Всероссийском с'езде Советов в конце того же года, как пошедший слишком далеко — в него тогдашний ВСНХ включил почти все заводы электропромышленности, изрядную часть также работающих нефтяных промыслов Баку и Грозного, некоторые серьезные предприятия Донбасса, значительную часть Урала, ленинградские бумажные фабрики, наши производства минерального удобрения и т. д. (см. список в моей книжке «Итоги нэпа», изд. 1923 г.). Тогда же на с'езде были даны компетентные раз'яснения, что список этот имеет уже только «историческое значение» и не сохраняет своей действительности на будущее время. Практически предгаагский концессионный каталог ВСНХ не принес вреда, ибо в Гааге капиталисты вообще не пошли на соглашение [1]), а если бы и пошли

[1]) Можно установить такие эмпирические правила для наших переговоров с иностранными государствами: 1) выгодно для нас заключение всяких предварительных, временных «фактических» и т. п. договоров о допущении взаимных торговых сношений и экономических связей с откладыванием на будущее «окончательного» урегулирования вопросов о старых претензиях, долгах, потерях при национализации и т. п., 2) переговоры о таком

и дело бы дошло до окончательного договора, то, конечно, каталог этот был бы нашим правительством весьма тщательно просмотрен перед тем, как его подписывать.

Третий период — нового сужения концессионных предположений — начинается с выяснения перспектив на серьезное улучшение хозяйственного положения страны внутренними силами и средствами. Так, в том же 1922 г. выяснился хороший предстоящий осенью урожай, обозначался несомненный под'ем промышленности, рост зарплаты и товарооборота — и паралельно советское правительство отказало в утверждении разработанного уже предварительного соглашения об очень крупном концессионном договоре с английской группой Уркварта. Эта особая осторожность в вопросах практического заключения промышленных производственных концессий на уже существующие предприятия вообще была правилом советской власти в годы нэпа так же, как и до него. И потому колебания в отношении к СССР иностранного капитала должны об'ясняться не тем, что будто-бы то открывали ему свободную дорогу в Россию, то стесняли (в действительности все время не давали ему такого хода, какой он требовал), — а той общей совокупностью общих его интересов данного момента и той *оценкой*, какую (в связи с ними) давал международный капитал общему направлению линии внутреннего развития советской России в разные периоды ее существования. Он бряцал оружием, когда считал, что она на всех парах стремится к социализму. Он переменил несомненный гнев на сомнительную милость, когда ему показалось, что мы «одумались» и что колесо истории завертится назад. Он вновь разочарован, когда видит на опыте, как начало хозяйственного возрождения России при диктатуре пролетариата ведет, наоборот, к усилению эле-

«окончательном» урегулировании кончатся тем более благоприятным исходом для СССР, чем больше (укрепляющего нас) времени пройдет до их заключения — потому, не отказываясь от них, мы не можем стремиться непременно завершить их в данный момент окончательным соглашением.

ментов социалистического хозяйства за счет хозяйства частного. Он принужден ограничить свою задачу деловой *связью* с Советским Союзом, о которой летом 1924 г. вели речь Эррио и Макдональд (т.-е. простым извлечением коммерческой прибыли из сношений равного с равным) вместо той задачи внутреннего буржуазного *перерождения* советской страны проникновением в нее инстранного капитала, о котором раньше говорил Ллойд-Джордж («мирное завоевание»). Вместо заведения своих многочисленных «факторий» в России, промышленных и торговых, какие их мечтам рисовались раньше и какие должны были являться мощными центрами экономического (а затем и политического) роста буржуазных отношений, — они принуждены теперь признать единственным своим контрагентом на нашей территории *наше государство*, без непосредственной смычки с туземной буржуазией, буржуазной и полубуржуазной средней интеллигенцией и верхушечными массами крестьянства. «Догорели огни, облетели цветы» — дело идет уже, как им становится все более ясно, не о том, чтобы *взорвать нас изнутри*, а о том, чтобы просто *торговать с нашим государством*.

Нечто подобное переживают в наступивший период новой экономической политики и наши среднеинтеллигентские массы. Период нэпа, как известно, распадается на три части: 1) в 1921 г. рыночную связь с крестьянством государство пытается организовать еще без допущения широкого посредства буржуазии (сначала речь идет даже еще не о товарообмене, а только о продуктообмене, и лишь о местном обороте) и одновременно с признанием рыночных методов пытается усилить плановое руководство государства хозяйством — учреждение Госплана и пр.; 2) материальных и организационных средств для этого у государства на первых порах не хватает, ослабевает плановое начало (уменьшение роли Госплана, упразднение к началу 1922 г. Комиссии Использования, тогда же отказ от регулирования твердым законом деятельности трестов, усиление автономистски-стихийных черт в госхозяйстве и пр.) и выпячивается хозяйственная роль

мелкой и средней буржуазии в торговле — период 1922 и 1923 г.г; 3) постепенное возрождение пролетарского госхозяйства после войны достигает степени, позволяющей, при сохранении всех основ нэпа, взять в то же время определенный курс на экономическое оттеснение буржуазии с захваченных ею хозяйственных позиций — весь 1924 г. и, насколько можно предвидеть, последующее время.

Первые два этапа нэпа, особенно второй, были временем расцвета сменовеховских настроений средней интеллигенции. Третий привел их к крушению, оставившему в наследство, как и у европейского капитала, *соединение отрицательного отношения к советскому строю и тенденциям его развития* с признанием неизбежности личного *участия в «деловом сотрудничестве» с ним уже без прежних ярких надежд* на внутреннее разложение и перерождение его этим путем. Таким образом все три интеллигентские прослойки, начавшие в 1917 г. с дружного протеста против большевизма, пришли теперь к разным позициям. *Низовая интеллигенция* (низшее учительство и т. п.) все более осознает близость своих интересов с пролетарскими и в силу несвязанности своих интересов с восстановлением господства буржуазных отношений начинает искренне переходить на советскую сторону все более широким потоком. Это важное и прочное приобретение нашей революции, которое может быть только закреплено ближайшими годами, несущими этой группе также непосредственное материальное улучшение. С тем вместе будет расти и ее общественная роль, как одного из отрядов людей труда, идущих к социализму и к связанному с его успехами расцвету культуры во главе с коммунистической партией.

Интеллигентская верхушка крупнейших техников и ученых, весьма немногочисленная по своему личному составу, но очень важная, также уже в общем выиграна для искреннего участия в деле научного и технического строительства новой России. Над ними часто тяготеют еще всевозможные политические, религиозные, националистские и другие пережитки прошлого.

Но они привлекаются не к общественно-политической, а к руководящей научно-технической работе. И в нее вкладывают уже свою душу, побежденные морально явным *культурным превосходством стремлений советского строя* над любым буржуазным государством и тем *простором для работы по возрождению и развитию производительных сил* страны, какой создан *устранением своекорыстных влияний частной собственности*, во-первых, и *научным подходом советской власти пролетариата* к разрешению всех основных очередных проблем, во-вторых. Конечно, отдельные случаи измены, саботажа и т. п. возможны и здесь, но в общем пролетарский режим за первое свое семилетие, — хотя оно было труднейшим для этого, — уже *разрешил задачу приобщения к действительно находящимся в его распоряжении рессурсам того концентрированного воплощения всей технической культуры, оставшейся в распоряжении страны от ее прошлого*, какое заключено в головах этих нескольких сотен человек.

Наконец, основные *среднеинтеллигентские* массы, *сотни тысяч* человек, находятся в том состоянии, какое выше описано — внутренняя тоска по господству буржуазных отношений в соединении с унылой готовностью на выполнение деловой работы, понимаемой в смысле равнодушного «влачения лямки», с готовностью к полусаботажу при подходящем обороте и уж во всяком случае «без души». Отдельные лица и группки из них, в силу особенностей своего положения и прошлого, оказываются, правда, и теперь белыми воронами в этой массе и относятся к своей работе и деятельности не как к досадной «службе», а как к необходимому для страны и будущего «служению». *Своим отношением мы должны всемерно стараться всячески этот круг «работников на совесть» расширить*. Но масса в целом, как общественный слой, несмотря на целое семилетие, прошедшее уже после рабочей революции, в силу достаточно намеченных выше оснований, все еще хранит приверженность к господству буржуазных отношений и связывает с ними свои интересы. Ставя ее на работу, мы никогда не уверены в отношении ее к делу и, наоборот, иногда имеем основания считать это отношение, как и все ее мировоззрение, несоответствующим интересам пролетариата и советского государства вообще. А между тем *большая часть личного состава наших советских аппаратов приходится именно на эти среднеинтеллигентские массы* (если исключить низший технический персонал совучреждений — курьеров, уборщиц, сторожей, кладовщиков, монтеров и т. д. и т. п.).

В этом личном составе интеллигентской толщи советского аппарата, *социально чуждой стоящим перед ним задачам* (или даже враждебной им), заключается, естественно, одна из главных предпосылок того «бюрократизма» и тех «извращений», какие с такой безжалостной откровенностью вскрывал в осуществлении госаппаратом нашей линии В. И. Ленин, даже государство наше назвавший в 1921 г. рабочим государством, но — с бюрократическим извращением.

Корни извращений на практике нашей линии и корни бюрократизма известны. Это — давление на пролетарское государство как мелкобуржуазного, так и буржуазного окружения, находящего проводников своего влияния между прочим — и далеко не в маловажной степени — именно в среднеинтеллигентской толще наших аппаратов. Пока будет существовать в значительных размерах это буржуазное давление на нас извне, до тех пор будет находить оно иногда стихийную, иногда сознательную поддержку и в нынешнем составе среднеинтеллигентских масс [1]).

Мы уже видели, что *основное* буржуазное давление на пролетариат СССР идет *не извнутри страны*, а со стороны *иностранного капитала*. Даже сам поворот к новой экономической политике весной 1921 г. близоруко об'яснять *только* необходимостью укрепления

---

[1]) На 1-м с'езде Совнархозов Влад. Ильич сказал о лучших из них: «и даже в тех случаях, когда эти люди совершенно искренни и преданы своему делу, в этих случаях они полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом» (журнал Нар. Хоз.» от 7 ноября 1918 г., стр. 29).

связи с крестьянством, ярко продемонстрированной восстанием кронштадтских моряков (кстати сказать, поворот этот был предрешен еще *до* восстания). *В основе лежит победа европейской буржуазии над европейским пролетариатом*, явно обозначившаяся к концу 1920 г. и началу 1921 г., чрезвычайно усилившая буржуазное давление на нас как извне, так — отраженно — и изнутри. Представим себе на миг фантастическую картину иного развития *европейских* событий 1920 г.— напр., пролетарская диктатура в Италии (уже почти стоявшая у дверей), пролетарская диктатура в Германии, опирающаяся также на русскую победу в Польше (вместо чего мы потерпели поражение под Варшавой), советская власть в связи с этим в Австрии, Чехии и т. д. Совершенно ясна возможность при таком обороте дел в 1920 — 1921 г.г. такого сравнительного удовлетворения потребностей русского крестьянства в *промышленных изделиях* и такого сравнительного облегчения его *налогового бремени* (в частности прекращения конфискации продразверсткой всех «излишков» и разрешение продавать их на рынке), — при каких до опасности широкого развития крестьянских восстаний в России дело бы и не дошло. Именно то, что мы остались в тот момент без помощи европейской революции, торжество которой входило в наши расчеты, и вызвало усиление *мелкобуржуазного* и буржуазного давления на нас внутри самой страны или, вернее говоря, повышение для нас *значения* того давления, которое и до того имело место, повышение нашей *чувствительности* к нему.

Изолированных государств в двадцатом веке не существует. *Современная русская история может быть понята только как часть истории мировой.* Происхождение нашего нэпа тесно связано со всем ходом назревания европейской революции, с его приливами и отливами. Все равно как и сама Октябрьская революция 1917 г. не есть изолированное достижение народа-богоносца, почему-то более мистически предрасположенного к социализму, чем прочие (несмотря на отсталость некоторых существеннейших черт своей экономики —

напр., деревенских отношений). *Октябрьская революция 1917 г. — первый акт мировой социалистической революции* не только в хронологическом или пророчески предвозвещающем отношении, *но и в смысле своего точного внутреннего исторического содержания.* Россия в промышленно-финансовом отношении (и в той части сельскохозяйственных отношений, какие вообще втянуты были в рыночный оборот и существовали для мира также и за пределами данной деревенской околицы) — эта *дореволюционная Россия была такой же страной господства международного (точнее — западноевропейского) капитала, как и Франция, Англия и Германия.* Самый *тип* промышленного развития был здесь даже выше, чем в более старых европейских капиталистических странах. Напр., у нас было фабрик и заводов свыше чем с тысячею рабочих в каждой — *больше, чем даже в Германии.* Последние четверть века перед войной основные отрасли нашей промышленности развивались более быстрым темпом, *чем даже в Америке.* Наш пролетариат был концентрированнее, менее распылен по мелким предприятиям, *чем даже в Англии*, не говоря уж о Франции. Но *в этом районе* своего промышленно-финансового господства в России европейский капитал был менее прочно защищен, чем в прочих, чем в самой Англии или Германии, — в силу таких особенностей России, каких не было в Англии и Германии *(колониальный* характер капиталистического развития России и в связи с этим слабость *туземной* буржуазии и собственных буржуазных традиций вообще; полуфеодальный, наполовину добуржуазный характер *деревенских* отношений, революционизировавший крестьянство в немыслимой в то время для остальной Европы степени и позволивший пролетариату опереться на вражду его к помещику для войны и с союзным помещику «буржуем»; существование почти вплоть до пролетарской революции *царизма*, способствовавшего в долгие годы борьбы с ним и в процессе этой борьбы переходу части интеллигенции на сторону рабочего класса и соответственной закалке его партии и т. д.). И так как международный капитал из всех сфер

своего господства был слабее всего защищен по этим причинам именно в данной, именно в России, — то в ней раньше всего и успешнее всего разыгрался первый акт мировой социалистической революции, когда международный капитал и международный пролетариат были сшиблены лбами историей на всем фронте своего соприкосновения. Этот участок фронта был прорван, была надежда почти тем же порывом взять и некоторые другие, но первая волна была отбита (от берлинского восстания января 1919 г. до мартовского восстания 1921 г.) — и на победившем участке тоже стало сильнее чувствоваться давление врагов, хотя и ослабленных, но удержавшихся на соседних отрезах фронта.

Такова историческая обстановка, в которой развертываются наши взаимоотношения внутри нашей страны с многотысячной толщей среднеинтеллигентских масс. *Корни этих отношений уходят, следовательно, в Европу.* Надклассовой и внеклассовой интеллигенции не существует. Если низовые ее слои связаны своими интересами частью с пролетариатом, частью с крестьянством и мещанством, то среднеинтеллигентские слои, социально примыкающие к капиталистической буржуазии, могут в массе своей стать на путь перерождения только после гибели самой буржуазии, как социального класса. Иначе сказать — после полной и бесповоротной победы пролетариата *в Европе*, поскольку корни социальных, материальных и идейных связей, отношений, влияний и зависимостей ведут от нашей интеллигенции, в хозяйственно-историческом смысле, именно к иностранному капиталу.

Следовательно, перспективы устранения извращений из работы советского аппарата, переспективы преодоления бюрократизма в советском государстве, поскольку их пытаться связывать с чаяниями постепенного действительного *внутреннего перерождения* среднеинтеллигентских масс в советскую сторону, — связаны прежде всего с перспективами *торжества рабочей революции в Европе.* До тех пор *в этом отношении* можно рассчитывать на улучшение работы советского аппарата преимущественно путем замены нынешних

буржуазно-ориентированных среднеинтеллигентских частей его состава новою специально подготавливаемою для этого, выдвигаемою из низов свежей рабочей и крестьянской интеллигенцией, во-первых, и *отчасти* переработкой интеллигентского молодняка в той его части, в какой он поставлен был жизнью в другие условия, чем его старшее поколение, и оказался в другом социальном положении (напр., достигающие лишь теперь 18 — 19 лет дети прежних купцов, кулаков и помещиков, потерявшие родителей и имущество во время революции, живущие своим трудом, прошедшие влияние комсомола и т. д.). При ограниченности средств, какие мы можем затрачивать в ближайшие годы на подготовку свежих интеллигентских кадров социально-созвучных пролетариату, социально-ориентированных на него, само собой разумеется, что эта подготовка будет пока доступна только подлинным рабочим и их молодняку и лишь в значительно меньшей степени сможет распространиться и на молодняк другого социально-исторического происхождения.

Никоим образом не сможем мы, однако, в ближайшие же годы выдвинуть из среды рабочих сотни тысяч людей, подготовленных для нынешних среднеинтеллигентских функций в нашем государственно-общественном аппарате. Поэтому перспективы освобождения нашей линии от бюрократических извращений аппаратом на практике, *если* считать тип этого аппарата окончательно установившимся, сводятся (в смысле надлежащей ориентировки среднеинтеллигентского состава), как уже было сказано, прежде всего к перспективам рабочей революции в нынешней, послевоенной Европе.

Почти шесть лет прошло после окончания военных действий между буржуазными государствами Европы: Англией, Францией, Германией, Италией и прочими. Если сравнить нынешнее состояние Европы с тем, в каком она находилась перед войной, 10 лет назад, то можно установить *шесть основных изменений.*

Во-первых, крупный сдвиг в социальном (общественном) составе населения, т.-е. *изменение в распределении населения между разными общественными классами.*

Война и ее последствия дали в этом отношении однородный итог и в странах-победительницах и в странах побежденных. Всюду произошло значительное разорение *мелких хозяйств*, как в городе, так и в деревне. Ликвидировалось (упразднилось) большое количество существовавших еще до войны мельчайших крестьянских хозяйств, мелких ремесленных, торговых и интеллигентских предприятий в городах. Наоборот, количество наемных рабочих и служащих возрастало значительно быстрее, чем до войны. Благодаря обоим этим явлениям, *процент пролетариата во всем населении значительно повысился*, во всех почти главных странах перевалил за половину, а где и раньше был велик, как в Германии, там возрос до степени подавляющего большинства среди всех взрослых людей страны, чем бы то ни было занимающихся.

Это важнейшее обстоятельство составляет надежную опору для успеха нашей работы. Опыт, например, той же Германии, показывает, что обычно проходит от 10 до 15 лет после перелива мелко-буржуазных элементов в ряды пролетариата до перелома в их идеологии (мировоззрении). Иначе сказать, выходцу из крестьянской, мелкоторговой или интеллигентской среды надо обычно 10 — 15 лет проработать рабочим, чтобы перестать мечтать о возвращении в ряды буржуазии, чтобы начать связывать ожидание улучшения для себя с надеждами на успехи рабочего класса в целом. В Германии, где уже свыше 60 лет существует всеобщее избирательное право для мужчин, установлено, что процент голосующих на выборах за рабочих кандидатов повышается, в общем, параллельно росту процента пролетариата во всем населении, но только с опозданием на 10 — 15 лет.

Если бы быстрота такого идейного перерождения в настоящее время не ускорилась, то мы имели бы завершение его для громадных масс, передвинутых войной из рядов «хозяев» в ряды «наймитов», примерно, к 1934 г. (15 лет после конца войны). Но быстрота эта, возможно, даже увеличилась, и то обстоятельство, что значительная часть населения Европы находится в таком своеобразном переходном состоянии (по общественному положению уже рабочие, а по идеологии еще не поддерживают рабочий класс), — при том столь крупная часть, что именно она в ряде важных стран может дать перевес пролетариату, — вызывает со стороны буржуазии наблюдаемые последние годы *политические судороги* от фашизма до Эррио и Макдональда.

Второе основное изменение в послевоенной Европе сравнительно с довоенной состоит в том, что все буржуазные страны стали еще более капиталистическими, чем были, еще более *повысили тип своего капитализма и техническую основу*, чем это было до войны. Именно за этот промежуток достигло крупнейших размеров применение *электричества*, не только в таких передовых промышленных странах, как Германия, но даже и в таких, как Италия. Концентрация и централизация капиталов и производства достигли небывалых размеров. Именно в период войны и особенно после войны выросло в Европе хозяйственное значение таких магнатов капитала, как недавно умерший Стиннес в Германии, как Лушер во Франции и др. Крупная промышленность, банки и крупная торговля все более об'единялись в одних руках, перенося на почву Европы те отношения и образцы, какие раньше были известны здесь преимущественно лишь по рассказам об американских «королях» Моргане, Рокфеллере и других.

Третья черта стоит в естественной связи с первыми двумя. Она заключается в столь ярком *обнажении противоречий капиталистического строя*, какое далеко оставляет за собой все бывшее до войны. Богатые стали богаче, и крупнейших богачей стало меньше. Рабочие стали жить хуже, и рабочих стало больше. Чрезвычайное обострение во всех странах Европы для рабочих *жилищного вопроса* может служить иллюстрацией (как известно, одним из существенных моментов зубатовски-соблазняющей тактики *Муссолини* явился проведенный им закон о крупном государственном кредите на 50 лет для постройки рабочих кооперативных домов—подобно такому же закону о 50-летнем кредите для этой цели, проведенному *английской буржуазией* после войны еще до допущения к «власти» Макдональда).

Все контрасты (противоположности) между трудом и капиталом стали захватывать больший круг населения, стали резче и понятнее. *Упростилось понимание жизни*, облегчилась возможность раскусить внутреннюю хитрую механику капиталистического строя. Обострением противоречий он сам помогает настолько своему разоблачению в глазах масс, что делается естественной и *четвертая* основная черта послевоенной Европы — необычайно стремительный *рост коммунизма*. При окончании войны, к концу 1918 г. во всех буржуазных государствах Европы (т.-е. во всей Европе кроме Советского Союза) коммунистов была лишь ничтожная кучка, в ряде государств еще вовсе не было, почти не было ни организаций, ни печати, ни легальных, ни нелегальных. Теперь, если тоже взять всю Европу без России, то в ней число коммунистов, организованных в политическую партию, начинает приближаться уже к *миллиону* человек. А в примыкающих к руководству Профинтерна профсоюзах (опять-таки не считая советского государства) насчитывается в Европе уже несколько миллионов рабочих. Что они действительно идут за нами, видно из того, что на последних выборах в парламенты Европы (Франция, Германия, Италия, Польша и др.) коммунистическая партия получила в общем свыше *шести миллионов* голосов.

Несмотря на отдельные неудачи и поражения, на тяжкие испытания реакционных преследований (вообще закаляющих наши организации и воспитывающих в них боевой дух и революционные традиции) — поток коммунизма разлился за последние пять-шесть лет так быстро и широко по буржуазной Европе, как это не бывало еще никогда за такой исторически короткий промежуток времени с другими движениями. Это, конечно, и не удивительно при отмеченных выше изменениях в самой социальной и экономической структуре современной Европы и при наличности той *технической революции*, в переживание которой она уже вступила (радио, электричество, аэропланы, разные лучи и пр. и пр.).

Пятая черта современной Европы, резко отличающая ее от довоенной, это — *изменение политической тактики буржуазии*. До войны господство буржуазии было *спокойным*, она не нервничала в такой мере. Пролетариат везде, кроме Англии, был в меньшинстве в населении, условия не побуждали ожидать ни особенно быстрой политической консолидации его самого (политического осознания своих интересов и об'единения для соответственной борьбы), ни возникновения серьезного влияния его на промежуточные мелкобуржуазные группы, на низы крестьянства и на обширные прослойки служащих. Отношения были сравнительно устойчивыми, медленнее изменявшимися, господство буржуазии откровеннее — *открыто под собственной фирмой, без превращения социал-демократии в «правящую» партию, и без нынешнего значения тех обманных заигрываний с низами на экономической почве*, какие характеризуют, например, фашизм, (и являются источником его начальной силы и дальнейшего разложения, как всегда бывает со всеми видами «социализма дураков»).

В отличие от этих довоенных времен буржуазия принуждена учитывать теперь все описанные выше обстоятельства (памятуя также правило о переходе количества в качество) и особенно два: 1) *переходный характер идеологии* обширных масс населения, передвинутых войной и ее последствиями из мелкой буржуазии в ряды работников по найму; 2) возникновение политического влияния миллионного коммунистического авангарда, как на экономически потрясенные слои *мелкого крестьянства* (появление «Крестьянского Интернационала» и пр.), так и на обширную мещанскую по происхождению прослойку *служащих*, способную дать своим присоединением пролетариату решительный перевес во всех важных центрах страны.

Из этого положения и вытекает новая политическая тактика буржуазии: править или через *социал-демократию* (Макдональд, опыты соц.-дем. правительственных блоков в Германии, Франции, Швеции и др. государствах) или путем задабривания низов такими экономическими обещаниями (надежды итальянских крестьян на помещичьи земли и пр.), какие потом *фашизмом*

(Италия, Испания и др.) никоим образом в значительной мере не могут быть выполнены на деле. Вместо прежнего «солидного» буржуазного господства — *теперь политические судороги* буржуазии между социал-демократией и фашизмом. Но оба эти приема, пригодные на время, неизбежно несут в себе собственное разоблачение. Для рабочего класса с течением лет наглядным сделаются, — и уже начинают делаться на наших глазах, — и обман фашизма и никчемность рабочих правительств по милости буржуазии и без диктатуры пролетариата. На очередь неизбежно встанет весь вопрос о власти во всем его об'еме и историческом значении. Убежать от Октябрьской революции в Европе буржуазии не дано ни союзом с социал-демократией, ни приемами фашизма.

Шестая основная особенность современной буржуазной Европы, отличающая ее от довоенной, — это *изменение окружения*. До войны Европа имела вокруг себя: 1) царскую Россию — «международного жандарма»; 2) покорный Восток; 3) стоявшую на равной ноге Сев. Америку (Соед. Штаты).

Теперь вместо царизма — Советский Союз, вдохновитель, помощник и надежда всех угнетенных всех стран. В прошлом веке русские войска ходили в Европу помогать подавлять тамошние революции. В наше время европейская буржуазия, судя по ее печати, ждет, что советские войска придут к ней со временем совсем с другой целью — помогать ее могильщикам.

Вместо прежнего покорного колониального Востока, который «спит, покой любя» и без разговоров позволяет высасывать из себя доходы, — буржуазная Европа видит перед собой Китай, Индию, Турцию, Египет начинающими проявлять новые черты. За последние 10 — 15 лет страны эти заметно индустриализовались, особенно Китай и Индия, появились местная современная буржуазия, современный пролетариат, сформировалось озлобление крестьянских масс против капиталистических «колонизаторов», началась политическая борьба всех колоний и полуколоний против их юридических или фактических метрополий, доходящая уже иногда до едва за-

маскированных войн (напр., война Турции против Греции, за спиной которой стояла Англия и т. д.).

Наконец, изменились и взаимоотношения с буржуазной Европой *Америки*. Из должника Соединенные Штаты стали кредитором. Средоточие мировой силы буржуазии из старой Европы перенеслось в Северную Америку. И тем самым европейская буржуазия остается пред лицом своего пролетариата уже не в той роли *полновластного вершителя мировых судеб*, в какой она выступала раньше. Вера в ее непреоборимость и неограниченный перевес сил и превосходство подорваны в низовых народных массах и с этой стороны.

Состояние слабо устойчивого и делающегося все менее устойчивым равновесия — вот как может быть охарактеризовано в общем нынешнее состояние послевоенной буржуазной Европы при сводке всех шести указанных выше особенностей ее положения. Буржуазия политически не ходит уже по твердой земле — она стремится сохранить свое равновесие, *идя по канату*. Что этот канат будет подрезан мощным напором рабочих масс еще на наших глазах—в этом порукой все об'ективное положение и неустранимый рост пролетарской боевой сознательности, нашедшей себе выражение в Коминтерне, в росте размеров и значения этого об'единения.

Но для полного отраженного влияния на окончательную ориентировку наших среднеинтеллигентских масс мало, чтобы в Европе *победила* рабочая революция, а надо еще, чтобы торжество ее стало *очевидно бесповоротным*. Буржуазно-ориентированные элементы России ряд лет после революции надеялись на реставрацию (восстановление) буржуазных отношений путем военной интервенции европейского капитала. Подобно этому буржуазно-ориентированные элементы Европы еще ряд лет после победы пролетариата в Европе будут надеяться на какую-либо военную интервенцию внеевропейскую — китайскую, американскую и т. д. И все это время будут существовать еще, таким образом, об'ективные зацепки для отсутствия окончательной переориентировки и наших среднеинтеллигентских масс буржуазного склада и происхождения.

Маркс когда-то писал, что процесс социалистической революции в его целом будет продолжаться десятки лет, быть может, до полустолетия. Конечно, смешно было бы сейчас пытаться дать *«календарную программу»* завершения нашего дела в мировом масштабе с претензиями на какую бы то ни было научную обязательность. Все такого рода оценки могут иметь пока лишь глубоко личный характер и представляют некоторый иллюстративный интерес только в качестве весьма условно — предположительных суб'ективных оценок на основе научного и политического материала и способности ориентироваться в конкретных путях дальнейшего, какие в каждом случае имеются. Поскольку, однако, естественно строить себе на этот предмет хотя бы условную «рабочую гипотезу», чтобы пользоваться ею для оценки перспектив впредь до исправления ее действительным ходом вещей и более глубокими знатоками и ценителями происходящей и намечающейся эволюции,—полезно оттенить здесь, что мировую революцию отнюдь нельзя будет считать окончательно победившей уже при торжестве ее в Европе. *Разоружаться тогда еще не придется.*

В самом деле, допустим, что переработка в классовом котле той части населения, какая передвинута из буржуазии в пролетариат в пятилетие войны и демобилизации (1914 — 1919 г.г.) и какая дает в Европе пролетариату решительное большинство, — будет продолжаться примерно те же 10 — 15 лет, как бывало это и раньше (см. выше). Тогда будем иметь Германию, Францию и т. д. политически готовыми для революции (экономически они и сейчас уже созрели) не позже чем в 1929 — 1934 годах (еще раз подчеркиваем сказанное выше о крайней условности таких ориентировочных «календарных программ»). Несколько лет можно считать затем еще на внутриевропейскую гражданскую войну, на процесс овладевания отставшими государствами и т. п. Возможно, что даже свергнутая буржуазия сможет затянуть в некоторых районах эту борьбу на несколько лет при помощи той внеевропейской финансовой организаторской и отчасти непосредственно военной помощи,

какую получит европейская буржуазия подобно тому, как русская получала ее от Антанты. Не исключена возможность (и весьма вероятна), что победа рабочей революция в Европе также совпадет во времени с мировой войной между Соедин. Штатами Сев. Америки и Японией и др. (и будет облегчена ею), как совпала и была облегчена победа рабочих в России с войной между Англией и Германией (с их группами), отвлекшей их главные силы. А тогда европейская буржуазия, как в свое время русская, сможет получить лишь недостаточную помощь извне, способную только затянуть ее сопротивление, но не дать ей полный перевес. Поскольку новая мировая война может оказаться короче (вследствие увеличения силы разрушения — что, однако, по опыту истории не всегда является наверняка гарантией сокращения длительности войны), все же непосредственно после нее трудно ожидать немедленно новой большой войны победившей буржуазной группы против сформировавшейся тем временем социалистической Европы (взрывом рабочих масс вышедшей из войны, как Россия вышла из империалистской войны 1917 г.). Таким образом, так или иначе, примерно к 1940 г. можно иметь в Европе не только социалистическую революцию, но и твердо сформировавшийся, прочно и окончательно политически подавивший свою буржуазию и приведший себя несколько в порядок Европейский Союз Советских Социалистических Республик, столь же успевший достичь всего этого за промежуток 1934 — 1940 г.г., как успел это сделать наш СССР за промежуток 1917 — 1923 г.г. Если бы новой мировой войны до 1940 г. не произошло (что крайне мало вероятно), то, возможно, революция в Европе несколько отодвинулась бы (с условно-предположительного периода начала торжества ее в 1929 — 1934 г.г.), но все же к 1940 г. можно условно считаться с фактом существования Европейского СССР и с оформлением вопроса о борьбе его за власть над миром с внеевропейскими буржуазными странами. Европейский СССР должен будет в это время стремиться быть еще более сильным военным государством, чем была в свое время РСФСР.

Из крупнейших внеевропейских государств экономически зрелыми для социалистической революции в течение ближайшего десятилетия являются только Соедин. Штаты Сев. Америки. Но *политические препятствия* для оформления социалистической революции, лежащие во внутреннем состоянии пролетариата этой страны (и обусловленные некоторыми особенностями ее бытия), еще больше, чем в Англии. Конечно, локомотив истории иногда чувствительно ускоряет свой бег, но свободно может оказаться, что к концу тридцатых годов в Соед. Штатах вполне еще будет господствовать буржуазия — открыто или замаскированно (на манер английской буржуазной диктатуры «через Макдональда»). Что же касается таких ныне колониальных и полуколониальных государств, как Китай, Индия, Египет, Турция, — то в то время, лет через 15 — 20, они будут *странами расцвета буржуазного хозяйства*, надеждой и опорой буржуазной диктатуры. Диалектика (двигающее вперед внутреннее противоречие) их развития заключается в том, что 1) революционное движение европейского пролетариата несет им освобождение их хозяйства от закабаления европейски-американскому империализму, 2) потому в период подготовки и осуществления такого освобождения там широко разлита склонность к союзу с европейскими рабочими — не только в мелкобуржуазных массах, но и среди известной части буржуазной интеллигенции и туземной буржуазии (напр. *турецкие* «симпатии» к РСФСР во время борьбы Турции с англо-греко-французами, *китайские* симпатии к нам в 1924 г. и т. п.); 3) это же освобождение дает значительный толчок развитию буржуазных отношений в восточных странах, где последние десятилетия господства империалистского засилья в свою очередь существенно ускорили его (проведение железных дорог, основание тяжелой индустрии, разложение и приобщение к рынку потребительского сельского хозяйства и т. д.); 4) превращаясь в буржуазные страны по основам хозяйственного и политического уклада (появление парламентов и пр.), эти государства в лице той буржуазии, какая будет в них господство-

вать, естественно впоследствии, когда внешний империализм не будет им больше грозить, повернут фронт против Социалистической Европы, сами станут империалистскими, жаждущими колоний и пр.; 5) в составе своего населения имея громадный перевес крестьянства, подвергающегося в значительной мере еще добуржуазной, полуфеодальной эксплоатации (подобно русскому крестьянству в 1905 — 1917 г.г.), эти государства, попав в положение, сходное с положением России в 1917 г., также смогут стать странами господства пролетариата, опирающегося на восставшую против остатков феодализма деревню. В таком положении находится, между прочим, и Япония и отчасти те американские государства, какие имеют в своем составе значительные массы индейского и метисного сельско-хозяйственного населения (Мексика, Бразилия и др.).

Вся эта картина мирового положения и его перспектив позволяет думать, что *сороковые годы нынешнего столетия* будут тем периодом, когда в борьбе между ядром социалистических государств и новым буржуазным востоком (обнимающим, кстати сказать, более половины всего человечества только в Египте, Турции, Индии, Китае и Японии) решится всемирная победа труда — и решится не в малой степени именно *благодаря рабочему союзу с угнетенными массами бедняцкого крестьянства в самих странах востока*. Этот момент и будет обеспечением той *бесповоротности* пролетарской победы и у нас в России, какая одна могла бы совершенно убить материальные и социальные корни буржуазной ориентировки унаследованного нами от дореволюционной России большинства личного состава среднеинтеллигентских масс.

Но совершенно очевидно, что за два десятилетия или четверть века, какие пройдут еще до такого окончания начавшейся в 1917 г. мировой революции, — успеет почти совершенно вымереть или сойти на нет тот *личный состав* буржуазно-ориентированной средней интеллигенции, какой мы получили в наследство от царизма и буржуазии 7 лет назад, в октябре 1917 г.

Значит, пока наши *старые* среднеинтеллигентские массы существуют и действуют — нет особых об'ективных оснований рассчитывать на условия для их действительной внутренней переориентировки в нашу пользу. А когда такие условия создадутся—не останется уже почти в живых или годного для работы того среднеинтеллигентского состава, который был в возрасте хотя бы 25 лет при начале нашей революции. *Ложка дорога к обеду — в надеждах на улучшение аппарата советского государства нам не приходится исходить из расчетов на быструю социальную, классовую переориентировку основных среднеинтеллигентских масс.* И очень хорошо поэтому, что есть из чего исходить при расчетах и помимо этого. Что же касается массы средних специалистов этого рода, то практическая линия для нас остается такая: поскольку от нас зависит, осваивание с советской работой для них облегчать; при обнаружении отдельных случаев предательства (как процессы кадиевских, серпуховских и др. инженеров) общей травли против специалистов не подымать; помнить в то же время, что хорошего отношения к господству рабочих и крестьян у многих из них нет и потому обращать больше внимания на подготовку собственных специалистов (и больше средств). Словом, держать двери открытыми, приглашать войти и к входящим тщательно приглядываться.

Сама по себе длительность сохранения старой ориентировки разбитых общественных слоев не должна удивлять, раз во-вне сохраняются пока условия, дающие надежды на ту помощь, какую не могут уже оказать себе сами. Когда при французской революции 1789 — 1792 г.г. пала старая помещичья монархия, пал феодализм и потеряны были помещиками земли и доходы — помещичья эмиграция и примыкавшие к ней гораздо более многочисленные элементы внутри самой Франции, еще почти четверть века пребывали в активном союзе со всякими внешними военными интервенциями против их дорогого отечества, лишившего их господства. А нынешняя буржуазия, и в том числе ее интеллигенция, не менее тогдашнего феодализма цепко держится за свое прошлое, за былое господство и положение, как у нас, так и в Европе.

По докладу тов. Сталина на XIII партс'езде количество советских служащих, включая состоящие на коммерческом расчете хозорганы и места, достигает почти $1^3/_4$ милл. чел. Если добавить еще служащих промышленных предприятий и транспорта, то получим кругло около 2 милл. чел., какие составляют аппарат советского государства (не считая военных сил и рабочих промышленности, транспорта и сельского хозяйства). Это значительно меньше, чем было в 1921 г., но несмотря на все усилия, дальнейшему сжатию при нынешней организации не поддается (последний год удавалось уже в общем и целом только переводить служащих из госбюджетных в хозрасчетные или переваливать с центра на места и т. п., — как видно из того же отчета). Перепись московских советских служащих (свыше 200 тыс. человек) показала, что около четверти приходится в том числе на физически работающих (сторожа, уборщицы, курьеры, рабочие складов и т. д.) и около четверти же на низший делопроизводственный состав (переписчицы, регистраторы и т. д.). Затем около полумиллиона приходится на низовую интеллигенцию (учительство и пр.). Остальные несколько сот тысяч (за вычетом из них коммунистов и рабочих) и являются той основной буржуазно-ориентированной среднеинтеллигентской массой нашего аппарата, о которой идет речь. Впрочем, и часть низшего делопроизводственного состава тоже примыкает к этой массе, не являясь трудовым элементом ни по своей среде, ни по укладу жизни и имущественному положению — достаточно посмотреть на богатые наряды, внешность и кольца разных дам, служащих в некоторых банках Москвы.

Корни бюрократизма и извращений нашего аппарата, как было уже упомянуто — в чуждости социального состава основной действующей его массы тем задачам, какие перед ним поставлены. Здесь речь идет,

конечно, не о курьерах и переписчиках, а о среднеинтеллигентских сотнях тысяч, составляющих столь значительную часть работающего аппарата государства. Заменить их быстро новым призывом пролетарских сил и молодняка, *дав этим силам предварительно среднеинтеллигентскую подготовку*, нельзя скорее, чем в довольно длинный ряд лет. Ведь дело идет о сотнях тысячах людей, и при том таких, какие при нынешней организации аппарата должны иметь среднеинтеллигентскую подготовку. Значит, остается для нас только один исход: 1) *так перестраивать свой аппарат, чтобы в возможно более допустимой степени вовсе обходиться без функций, для которых необходим старый среднеинтеллигентский состав*, 2) всячески расширять подготовку нашего собственного нового среднеинтеллигентского состава, социально-близкого рабочему классу (курсы красных директоров и т. д. и т. п.) — в большей степени, чем теперь, 3) в остающейся части продолжать «строить коммунизм некоммунистическими (и прибавлю: обычно нежелающими коммунизма) руками» — через исторические условия не перепрыгнешь. В стране с мелкобуржуазной массой населения и с давлением извне вообще мировой буржуазии, проводимым в поры нашего аппарата среднеинтеллигентским его составом, — государственный аппарат не может быть в переходный период *совершенно* освобожден от бюрократизма и извращений в его работе. Наша задача — освобождать его от этого в наибольшей исторически возможной степени и при том в гораздо большей, чем это пока достигнуто.

Если по тем условиям и по тому материалу, какие нам даны историей, нельзя обойтись в переходный период совсем без извращений, то надо сводить их к минимуму — прежде всего *таким построением* государственной деятельности, при каком *уменьшилась бы самая надобность* в применении старых среднеинтеллигентских сил. Это та сторона работы *по постепенному под'ему аппарата советского строя в уровень с задачами советского строя*, какая до сих пор не привлекала особого внимания и какая полностью может быть решена лишь на протяжении всего четвертьвекового переходного периода. До сих пор внимание направлялось главным образом, на *сокращение общего числа* служащих (ибо это было острой хозяйственной потребностью государства), а не на *изменение самого типа* государственного аппарата. Наш беглый очерк хозяйственно-советской постановки вопроса о среднеинтеллигенстких слоях приводит к подчеркиванию именно последней стороны дела, как *к пути преодоления* и того застоя в сокращении числа служащих, какой указал доклад т. Сталина партс'езду, и как к *дальнейшему шагу* в реформе нашего аппарата вообще.

Говоря об опыте Парижской Коммуны 1871 г., Маркс считал доказанным этим опытом, что новый пролетарский режим не может воспользоваться в готовом виде государственным аппаратом старого строя. Мы в нашей революции, следуя логике событий и памятуя вывод Маркса, с самого начала уничтожили изрядную часть старого аппарата и создали новые, не существовавшие до нас формы — начиная от советов с их секциями и от особых отношений между профсоюзами и совнархозами до существования ВСНХ или Госплана вообще. Опыт нашей революции, более длительной, чем Парижская Коммуна 1871 г., позволил сделать, однако, и второй вывод: пролетарский режим не может удовлетвориться не только аппаратом старого строя, но и преобладающими кадрами *личного состава* этого аппарата, хотя бы и размещенными по аппарату новому. Если мы решили и решаем в этом отношении «строить коммунизм некоммунистическими руками», то лишь в качестве неизбежного зла, отдавая себе отчет в его необходимости и учитывая, сколько неприятностей доставят нам в связи с этим всякие извращения (*то-есть — собственная, не наша, политика нашего аппарата*), а отнюдь не в качестве какого-либо радостного идеала. Мы отнюдь не уподобляемся тому пророку, который, по словам Гейне, узрев заднюю сторону господа, так уж навсегда и решил только в таком виде и представлять себе бога. В отличие от гейневского пророка, чем меньше эту сторону видеть, т.-е. чем

больше без старого среднеинтеллигентского состава в нашем аппарате обходиться — тем для рабочего зрения лучше, тем шансов извращений меньше. *Лучше топорнее, да по-нашему, чем тоньше да по-чужому.* Деловым приемам учись, а научась, без чужака обходись, насколько возможно — вот одно из серий относящихся сюда положений, дополняющих правило об открывании дверей желающим работать с нами и об облегчении такой работы.

Мы не можем касаться здесь сколько-нибудь обстоятельно судьбы тех среднеинтеллигентских слоев, какие будут постепенно вытесняться из привычного для них положения, как постепенным преобразованием и социальным улучшением советского аппарата, так и прямой заменой на тех же функциях вновь подготовляемыми элементами. Этот вопрос составляет часть общей задачи о производительном применении рабочей силы той части городского населения, какая (как, напр., значительная часть *торговцев*) станет постепенно *ненужной* в своей прежней деятельности (ибо вообще отпадет эта деятельность или рационализируется, т.-е. будет лучше, иначе, с затратой меньших людских сил поставлена, и часть прежде занятых станет излишней). Можно думать, что для большей части такого городского населения лучшим выходом будет либо *земледельческая колонизация* (создание артелей на свободных землях), либо *переучивание для физической работы в промышленности*, поскольку она сможет поглащать делающихся излишними в своих прежних занятиях горожан. Прошло время, когда почетным был труд «белоручки» (руки без мозолей), когда «выйти в люди» означало стать интеллигентом, доктором, чиновником. Теперь советский строй не только общественно в качестве «высшего сословия» поставил *производителя*, физического рабочего. Теперь идут условия, когда и *материально* молодняк прежней буржуазно-ориентированной интеллигенции (а отчасти и интеллигенции трудовой) будет счастлив, если ему удастся *физическим рабочим* войти в промышленное заведение. Это будет заодно означать для него теперь и в общественном

отношении действительный «выход в люди», снимающий клеймо прошлого и включающий окончательно в рамки советского строя. В *инженеры*, в командиры промышленности новый строй (т.-е. существующая у нас диктатура пролетариата) *в наш переходный период* может открыть дорогу, *как правило*, только рабочим и рабочему молодняку. Точно так и городская школа *второй* ступени, подготовляющая среднюю интеллигенцию, при нынешнем уровне государственного богатства, еще ряд лет будет достоянием только рабочего населения (с каждым годом там уменьшается процент доучивающихся детей других групп и растет доля рабочего населения, пока не заполнит почти все). Кроме являющихся пионерами, при том более даровитых детей рабочих (и кучки коммунистов нерабочего происхождения, процент которых в партии уменьшается), вряд ли кто сможет попадать в течение ряда лет в школы второй ступени — и для нашего периода это правильно. Общедоступной для всего городского населения, пока Россия не разбогатеет значительно больше, чем сейчас, будет еще довольно долго только школа *первой* ступени — из которой выходят не инженеры и техники, а будущие непосредственные рабочие.

Судьба *прежней* средней интеллигенции и ее молодняка отличается, следовательно, тем, что в дальнейшем нельзя ожидать *увеличения* применения в госаппарате именно *этого* людского материала. Он будет частью замещаться новым, частью делаться просто ненужным, и таким образом даже естественная убыль этого слоя не сможет, вообще говоря, вызывать замещения его в тех же размерах из той же среды. Какими же средствами, в каком духе должно пойти изменение нашего аппарата, чтобы сделать ненужной изрядную долю тех функций, какие выполняет сейчас прежнего типа средняя интеллигенция?

«Осоветить» в возможно большей мере советский аппарат, можно, на наш взгляд, главным образом, *решительным разрывом с буржуазной традицией в самом типе построения и функций аппарата*. Выполнение одних его функций (обязанностей) *спустить вниз*, к

выполнению их низами по своему революционно-классовому усмотрению, при общих только директивах власти — вот один путь, значительно сокращающий среднеинтеллигентское средостение прежнего состава между властью и массой. Другие функции *значительно упростить* даже по существу, по содержанию, что иногда будет к тому же и к лучшему, особенно для переходного периода. Наконец, третьи — *упразднить или видоизменить*, опираясь отчасти на те хозяйственные успехи, каких раньше не было и какие дают теперь возможность итти вперед и в этом отношении.

Приведем несколько примеров из самых различных сторон жизни, не стесняясь примитивно-варварским образом расправиться с священнейшими заветами прошлого. Выдвигая некоторые положения, бывает полезно для начала рубить и топорно — слабонервный или больной печенью читатель может оставить в этом месте чтенье, если не сделал этого раньше.

Пример № 1. Суды и судебное дело. Тысячи прежних юристов, правозаступников и прочих, толкуют на все лады все подробности уголовного и гражданского кодексов, спорят о значении каждой запятой (определяющей тот или иной размер взыскания) и т. д. Обыкновенный рабочий, даже попадающий в судебные заседатели, настолько не может разобраться в бесконечном нагромождении законов, закончиков, циркуляров, распоряжений и постановлений, напр., *по жилищному делу*, — да и опытнейший человек не сразу разберется, столько их, — что принужден иногда обращаться прямо в пассивного участника судебного процесса, ожидающего, что выяснят все юристы (особенно, если и судья юрист). Я представляю себе вместо этого, *при условии твердого обеспечения классового состава суда*, — предоставить суду *свободу судить по своему революционному рабочему сознанию* без всяких подробных уголовных кодексов. Обжалование допускать лишь в исключительных случаях (как приговоры к многолетнему заключению, к изгнанию, к смерти) и при жалобах на корыстность суда. Конечные результаты будут

не хуже теперешних — *суд рабочей совести не уступает суду по кодексам* — а весь «избыток законности» и формалистики, вся надобность в старой интеллигенции для того, чтобы справиться с ними, отпадает. В жилищных же и прочих кодексах ограничиваться лишь ясными основными директивными указаниями, определяющими *политику* советской власти.

Поменьше вообще законов, создающих *усмотрение толкующих и применяющих их чиновников аппарата*. Побольше непосредственного *прямого советского усмотрения полномочных органов пролетарской диктатуры* (парткомов, советов, напр.). Делать в этом отношении открыто то, что в буржуазном обществе делается лицемерно — вот одно из лучших средств уменьшить надобность в буржуазно-ориентированном среднеинтеллигентском составе старого типа. Ведь в буржуазном суде фактически господствовала диктатура буржуазии чрез все вороха законности и обрядности формалистики. Предоставить нашим судам открыто осуществлять эту диктатуру без длиннейших кодексов и формалистики *значит центр тяжести вопроса о суде перенести из издания подробнейших законов*, толкуемых кастой жрецов-юристов, в *дело подыскания хороших, надежных судей*, являющихся вполне честными, добросовестными и преданными своему классу рабочими — и только. Здесь уместно вспомнить слова Ленина в статье его о госаппарате, что *подбор людей* станет центральным пунктом. Этой дорогой и надо итти для уменьшения нашей зависимости от старой касты в этом, напр., отношении, в отношении суда и упрощения законодательства.

Пример № 2. Городские налоги. Их несколько десятков — бухгалтера, инспектора, составители отчетов, рассматривающие жалобы и т. д. и т. п. заняты в связи с ними. На велосипед, на собаку, на проезд через заставу, на подачу прошения и пр. и пр. Потеря времени, волокита, бюрократизм, накладные расходы общественного процесса производства. Вся эта сложная сеть *десятков* налогов унаследована от дореволюционного времени, пережиток прошлого. Задача — сохранить

доходы государства и мест и порвать в то же время с таким типом налогового аппарата, который создает необходимость столь широкого включения в него социально-чуждых элементов. Для решения ее в городах надо сохранить только промысловый, подоходный и квартирный налоги. Остальные десятки налогов уничтожить, заменив на равную сумму повышением промыслового, подоходного и квартирного налогов с высших разрядов (с кустарей без наемных рабочих можно даже уменьшить, с рабочих и служащих с заработком до 15 червонцев в месяц подоходного налога вообще не брать и т. д.). Кроме этого из налоговых поступлений останутся только таможенные пошлины, акцизы и единый сельскохозналог. Результат — значительное сокращение аппарата вообще, в частности посвященных в финансовые таинства среднеинтеллигентских кругов, экономия расходов на взимании налогов для государства и сверх того большое удобство для населения. Когда рабочий подает жалобу в суд на квартировладельца или иск к хозяйчику — ему не надо будет предварительно хлопотать в милиции для получения удостоверения о малозажиточности (для чего предварительно получить удостоверение с места службы о размере заработка и от домкома или правления жилтоварищества об отсутствии других доходов), — чтобы затем подавать прошение в распорядительное заседание суда об освобождении его иска от судебных пошлин. Не надо будет государству печатать гербовые марки, вести сложную отчетность по ним (ведь расходятся по всем лавкам, кино и т. д.) и пр.

При начале восстановления денежных налогов (1921 — 1922 г.г.) подобное копированье всех возможных налогов, какие только где-либо придуманы были при буржуазном строе, имело смысл и историческое оправдание. Ибо мы шли ощупью, впервые по деловому брались за налоговое дело и пробовали все. Теперь опыт уже есть, известно значение поступлений от каждого вида сборов в наших условиях, налажено дело взимания подоходного и промыслового налогов, возможен такой разрыв со старой традицией, который и

на этом участке нашего аппаратного фронта поведет к уменьшению его разбухания вообще и зависимости его функционирования от большого количества ненизовых элементов в частности.

Пример № 3. Гражданская регистрация — записи браков, разводов, приездов, отъездов. Не так давно опубликован циркуляр Наркомюста, указывающий некоторую наличность в учреждениях для записи актов гражданского состояния чиновников даже из бывшего духовенства. В защиту обязательности регистрации браков и прописки видов на жительство говорят иногда, что в деревнях пойдут венчаться в церковь, если не будет гражданской записи, что там и гражданская запись уже прогресс — и что прописка паспортов нужна для слежки за преступниками. Но если и допустить, что регистрация браков и т. п. имеет еще такой смысл в деревнях, то зачем сохранять ее в Москве и Ленинграде? Почему даже в некоторых местах Америки достаточно факта совместной жизни мужчины и женщины или одного устного заявления их знакомым, чтобы их потом (в случае разногласий) и суд обязан был признавать законнейшими супругами. Отец у нас обязан платить пособие брошенной матери и ребенку безотносительно к наличности или отсутствию регистрации, дети могут наследовать после родителей и без записей о рождении в законном браке (по существу ведь против такого наследования у нас никто не спорит) и т. д. А вдруг найдется мошенник, который заявит претензию на то, что ему не следует? Так, во-первых, тут и пригодится суд — заявить мало, пусть убедит судей, пусть опровергнут другие заинтересованные. Во-вторых, подавляющее большинство людей оставляет после себя так мало наследства и так очевидна и непосредственна преемственность, что споры затрагивают обычно лишь более богатые слои и бывают сравнительно немногочисленны. А в-третьих, из того, что бывают мошенники, не следует, что наперед надо всех людей рассматривать, как мошенников, и заставлять без конца выполнять всякие регистрационные формальности (еще с уплатой сборов за это). Да иногда притом пред бывшим священ-

ником, вспоминающим не без ехидства, как он же венчал и раньше.

Что до прописки паспортов, то нет такого сколько-нибудь разумного преступника, какой дал бы словить себя по паспорту. Автор этих строк сам был преступником около 15 лет (политическим при царизме), бывал арестуем, сажаем в тюрьмы, в крепость, высылаем в Якутку—но ни разу из-за паспорта. Всегда превосходно жил по фальшивке или по чужому виду или совсем без него. Будучи на Лондонском партс'езде в 1907 г., я узнал, что в Лондоне в то время совсем не было прописки паспортов — а письма доставляли не хуже, чем у нас, а преступников выслеживали тоже не хуже. Кроме ненужных пережитков буржуазно-полицейских традиций (оставлявшихся уже кое-где и более передовой буржуазной организацией), ничего нет в таких вещах, как сохранение в Москве и Ленинграде прописки паспортов или регистрации браков.

Здесь вполне к месту вспомнить известные слова *Ленина* (из брошюры о продналоге 1921 г.), что в России рядом сосуществуют отношения, соответствующие *целому ряду* хозяйственных строев: государственный капитализм, мелкое крестьянское хозяйство и т. д. Мы должны себе уяснить, что поэтому и *об'ем функций (деятельности) советского аппарата не должен быть одинаковым повсеместно*. Мы вовсе не обязаны строить наш аппарат так абстрактно (отвлеченно от действительных условий), чтобы повсюду тип его был одинаков. Можно продолжать регистрацию браков в деревнях и в то же время упразднить ее в городах, по крайней мере крупных. Отмирание старых функций, по существу делающихся ненужными при новом строе, не происходит сразу везде. Из этого не следует, что их надо пока сохранять и там, где без них можно уже обойтись. Сохранение, напр., отмершего в городах вело бы лишь к замедлению отмирания его и в деревнях, а заодно к излишнему включению в наш аппарат ненужных ему элементов и к культивированию мещанского лицемерия с различением «зарегистрированного» и «незарегистрированного» брака. Не произойдет никаких несча-

стий, если в Москве и т. п. центрах государство откажется выполнять переименовывание женщин при выходе их замуж в фамилию мужа и ограничится прочими своими делами, которых остается довольно и без этого. Женщины с успехом могут продолжать носить свои фамилии и после замужества без рабского переименовывания, указывающего на перемену собственника — господина.

Отмирание, *полное уничтожение делающихся ненужными старых функций* во всех районах страны, где это уже возможно практически без вреда провести — вот еще один из путей реформы советского аппарата, какая поставлена уже вообще партией на очередь, как *длительная задача*, и какая может быть постепенно разрешена лишь в связи с учетом и анализом (разбором) всех привходящих социально-политических моментов и фактического развития. Конечно, вопрос о среднеинтеллигентской части состава советского аппарата, как о проводнике буржуазного давления, которого мы касаемся сейчас, есть лишь один из моментов в этом деле, но и его рассмотрение способно уже наметить для практики некоторые заслуживающие внимания линии.

Пример № 4. Средняя школа (не начальная, а средняя). Возьмем преподавание истории или иностранных языков. Полагается сейчас более или менее знать первобытную историю, древнюю историю, среднюю историю, новую историю, новейшую историю. Что, если от каменного и металлического «доисторического» человека, познакомив вкратце с логикой возникновения товарного хозяйства с его надстройкой, перейти прямо к истории последних десятилетий? Начиная, примерно, от шестидесятых годов XIX века — отмена крепостного права в России и рабства негров в Америке, об'единение Италии и Германии, создание I Интернационала, приобщение к европейскому рынку Японии и Китая и т. д. — вообще, тот ряд событий, какой непосредственно связан с пониманием современного положения. Сейчас даже в одобренных ГУСОМ учебниках русской истории *первой* ступени имеются главы об Олеге, Свя-

тославе, Владимире Мономахе, Иване Калите и прочих и прочих. Пора порвать с этой традицией: представим себе, что «от Рождества Христова» прошло не две тысячи, а еще двадцать тысяч лет. Неужто и тогда все еще учить об Олеге, Иване Калите и «Соборном уложении царя Алексея» (есть и такая глава в нашем официально-допущенном Наркомпросом учебнике первой ступени). Накопится в конце концов столько событий, что не поможет и упразднение летних каникул.

Все эти подробности надо оставить для любителей, найдется достаточно охотников читать исторические книжки в свободное время, или для специальных занятий. Но нам пора перейти к ознакомлению с историей человека *большими мазками:* докаменный человек, человек каменной техники, век металла — и современность. За пределами обязательного изучения останутся Юлий Цезарь, крестовые походы, Наполеон и т. п. *Упрощение функций до действительно необходимых размеров* — вот что должно стать правилом реформы как этого дела, так и всего госаппарата. Поставить дело так — значит вместе с тем *создать широкую возможность для приспособления к выполнению этих функций* (в данном случае преподавания истории в средней школе) *социально-близких нам элементов* (в данном случае низовой интеллигенции, которой все равно приходится знакомиться и с «первобытной культурой» и с историей современности, — начиная с политграмоты, — но которую не переделать в среднеинтеллигентское жречество, монопольно обладающее сведениями о Ромуле и Реме, короле Людовике XVI и королеве Марии-Антуанетте, о Лютере и Вашингтоне).

Возьмем языки. У нас учат немецкий, французский и английский. Что если вместо этого ввести один эсперанто? Сохраним иностранные языки в специальных высших учебных заведениях для лиц, которым необходимо работать за границей или по непереведенной заграничной литературе. Но если начальная и средняя школа в СССР будут знать один только международный язык, эсперантский, то это будет серьезным толчком для постановки обучения ему и в школах иностранных

государств (где он вообще постепенно все больше распространяется). Эсперанто является сейчас единственным получившим сколько-нибудь широкое распространение международным языком, его знают миллионы человек. Для нас было бы величайшим облегчением, если бы трудящиеся всех стран могли непосредственно сговариваться друг с другом и свободно читать литературу друг друга. Научить нашего рабочего и японскому и английскому и итальянскому и немецкому и прочим языкам сразу нельзя. Но дать ему хотя бы один международный язык, который был бы понятен всякому знакомому с ним человеку повсеместно, — было бы весьма существенно. Любая группа немецких рабочих, желая посетить Россию, знала бы, что обойдется легко усваиваемым эсперанто. Постановлениями с'ездов и конференций наших культурных, политических, профессиональных, спортивных, кооперативных организаций можно содействовать значительному распространению его и за границей. Договоры с иностранными государствами могли бы со временем на началах взаимности допустить адресование писем на эсперанто, обеспечить расширение его преподавания и т. д.

Как почти во всем, и здесь надо вести *активную политику — за расширение знания одного международного языка*, вместо изучения многих одновременно. Многоязычие неизбежно будет доступно теперь лишь «избранному меньшинству», особенно при изучении языков с такой массой неправильностей и отступлений от грамматических правил, с такими историческими нагромождениями на начальные корни и с такими трудностями произношения, как английский, французский, немецкий. Наоборот, легко может стать общим достоянием один язык, особенно такой, какой не знает неправильностей и исключений из правил, не знает отличия произношения от начертания, не знает затемнения корней историческими влияниями и т. д. — словом, язык *искусственно созданный* для наиболее легкого удовлетворения потребности в международном общении (эсперантский). Мы, старшее поколение, конечно, не заговорим уже по-эсперантски. Но поскольку в наших

руках подготовка для жизни следующих поколений, мы не должны оставлять их обреченными на пассивное приспособление к оставленному нам в наследие старым миром многоязычию, а должны помочь завоеванию рабочим классом постепенного внедрения в международный оборот одного языка для взаимных сношений, которым может обладать каждый на ряду с языком, ему родным и употребляемым в повседневной жизни.

Для нашей школы же такая перемена означает не только освобождение учащихся от большой затраты энергии на неправильные глаголы и т. п. пустяки вместо обращения ее на что-либо более полезное, но еще и освобождение от части тех элементов среднепреподавательского мира, какие обычно к низовой интеллигенции не относятся (иностранные языки довольно часто преподаются как раз обломками прежних господствующих классов) и какие заодно, поскольку от них зависит и порой даже ненамеренно, вкладывают детям в голову основы мировоззрения, ничего общего с новым строем не имеющие.

Упрощение функций советского аппарата вообще должно явиться серьезным средством для овладения выполнением их со стороны социально-близких пролетариату элементов. Здесь предстоит действовать по правилу Ленина: каждая кухарка должна уметь управлять государством. Для этого надо облегчить кухарке дело не только поднятием ее уровня, но и упрощением работы самой общественной машины. Тут перед нами почти непочатый край.

Советская *лавка* не из крупных, в том числе кооперативная, отпускает товар потребителю по такой сложной ордерной системе с чеками на кассу, обратными талонами к приказчику, особым получением от завертывающей и т. д., какая применяется только в особо крупных мировых универсальных магазинах европейских столиц со сложной продажей одновременно целой громаде покупателей. Вместо этого надо установить простой порядок, господствовавший в частных лавках до революции: покупатель выбирает товар, тут же платит отпускающему его приказчику и уходит. В довоен-

ных магазинах приказчики воровали при таком порядке вовсе не больше, чем бывает иногда злоупотреблений при нынешнем сложном порядке. Между тем *самая сложность этого порядка* не только причиняет неудобство потребителю и увеличивает накладные расходы, но еще и *создает преимущества* при заполнении должностей торговых служащих *остаткам старого мира* над близкими нам низовыми элементами. Сколько раз приходилось слышать, что в советском или кооперативном магазине служат чуть не бывшие полковники и полковницы, а безработных рабочих и работниц не берут — у нас нужен, мол, опыт с ордерами, чеками и талонами, а не просто продай, да получи, да сдай в кассу. Внутренний контроль над приказчиками, строгая ответственность за злоупотребления, периодический учет состоящих на ответственности служащего товаров — все это необходимо, но без копированья в наших лавках сложности мировых универмагов. *Советский строй требует простоты.* Сделать попроще работу его аппарата — одна из основных задач реформы госмеханизма, непосредственно вытекающая вместе с тем из рассмотрения вопроса об обслуживающих его некоторых слоях интеллигенции.

Или возьмем *канцелярии.* Бумажная рутина царит в постановке канцелярского дела до сих пор во всю, и не в малой степени приводит и к отрицательным результатам общественного характера. Достаточно сказать, что бумаги до сих пор сплошь и рядом посылаются из учреждения в учреждение с *курьером* (специальным рассыльным — особая должность для разноски деловых бумаг). При отправке и при получении бумага особыми служащими *регистрируется*, ведутся специальные «журналы» для этого. Особые лица ведают, в свою очередь, этими регистраторами и рассыльными. Чуть не всякое сношение с другими учреждениями производится путем *составления особых бумаг*, над чем заняты составители, подписывающие, — обычно несколько, — печатающие или переписывающие кописты, регистраторы, рассыльные, заведующие всеми ими, затем приемщики, новые регистраторы, докладчики о посту-

плении бумаг тем, кому они направляются и т. д. Я уже ряд лет получаю ежедневно такие бумаги из самых разнообразных советских, партийных и профсоюзных учреждений, и особого ослабления этого потока за последние годы не замечаю.

Между тем то, что было еще понятно в 1919 г., теперь совершенно излишне. В 1919 г. продолжать бумажную традицию дореволюционных канцелярий было допустимо по двум причинам. Во-первых, техника была в жалком состоянии: почта не работала с требуемой быстротой не только между городами, но и внутригородская, телефоны во многих местах вовсе или почти не действовали — приходилось все посылать с рассыльным, приходилось все писать. Но теперь *правилом* должна стать посылка одной половины бумаг *по почте* (в том числе городской) и замена другой половины — телефонными сообщениями и разговорами. Не говорю уже о регистрации и особых «журналах» — некоторые крупнейшие учреждения Европы обходятся просто раскладкой поступающих бумаг по сотне папок без «журналов» и «карточек» и дела идут не хуже наших.

Просматривая бумаги, получаемые разными учреждениями, убеждаюсь, что по крайней мере половина могла быть заменена телефоном (у нас даже повестки на заседания сплошь и рядом, сообщая телефонограммой, одновременно еще «для крепости» присылают в копии с рассыльным, иногда еще «под личную расписку»). Можно было бы свободно произвести опыт даже *механического запрещения* почти всем нашим учреждениям отправки в 1925 году количества исходящих бумаг, превышающего половину фактически отправленных в 1924 году — и никакой катастрофы от этого не произошло бы. Только стали бы больше пользоваться телефоном вместо того, чтобы плодить бумажную переписку.

Между тем, уменьшение бумажного потока, облегчая и удешевляя работу всей машины, означает вместе с тем не только уменьшение потребности в пассивных исполнителях (как рассыльные или переписчицы), но и ослабление средостения той толщи средне-

интеллигентских составителей, докладчиков и т. д., какая сейчас является одной не из незначительных прослоек нашего аппарата, относящихся порой к нашему делу без особенного увлечения и преданности. Установление каких-либо «*календарных программ сокращения количества переписки*» явилось бы не менее полезным занятием, чем процветавшие года три назад «календарные программы сокращения числа служащих», давшие в общем фактическое уменьшение их не менее чем на миллион человек.

Во-вторых, в 1918 — 1919 г.г. обилие бумажной переписки создавалось еще новизной дела, необходимостью иногда детального практического инструктирования, и тем стремлением к стягиванию решения всех отдельных дел в центр, какое укреплялось сознанием особой слабости в то время периферийного аппарата. Но столько лет прошло не даром. Почти везде имеются уже в том или ином количестве более или менее советские люди, на которых можно положиться, нередко даже партийные, имеющие и некоторый практический опыт. Потому теперь верхние инстанции в большей против прежнего степени могут ограничиваться *директивными* (направляющими) *указаниями*, а само разрешение конкретных вопросов (фактически существующих отдельных дел) в гораздо большей против прежнего степени могут предоставить своим подчиненным местным органам, периодически (время от времени) представляющим сведения, как они на практике полученные директивы выполняли. Это одно способно серьезно уменьшить бумажный поток (а заодно и потребность в среднеинтеллигентских элементах в нашем аппарате), если мы последовательно и более полно проведем по всей линии передачу из всех учреждений на самостоятельное рассмотрение низов всех поддающихся такой передаче дел и вопросов. *Директивы и инструкции сверху, практика и решение конкретных дел внизу* — вот одно из регулирующих правил продуманных мер по улучшению советского аппарата, удовлетворяющих вместе с тем и задаче уменьшения в нем роли социально-чуждых нам элементов. Достаточно вспомнить, что

даже отпуск деревьев из леса в случае пожара сельской школы, по представленному Наркомземом во ВЦИК в 1923 г. проекту, должен был разрешаться в одних случаях *Губернским* земельным управлением, а в других даже только самим Наркоматом в *Москве*, — чтобы понять, сколько мы еще имеем возможности в этом направлении сделать.

Понятно, за центром должно остаться право, когда он находит целесообразным, вмешаться и в практическое решение даже отдельных местных вопросов — без этого нет пролетарской диктатуры.

Уменьшение бумажного потока и передвижка соответственных конкретных дел на места освободит, кстати, центральные органы от переполнения специалистами, напр., инженерами, в то время, как иногда в них имеется недостаток там, где они нужней всего — напр., на заводах (тов. Ломов приводил в печати весьма показательные сопоставления несоответствия такого распределения сравнением числа инженеров на уральских заводах и в органах ВСНХ).

Мы не продолжаем наших примеров, ибо и по приведенным легко составить себе представление о конкретном воплощении того преобразования, передвижки, упрощения отдельных функций советского аппарата, какое должно способствовать социально-политическому оздоровлению его состава и какое при желании легко иллюстрировать на самых разнообразных его частях. Внутренняя история советских аппаратов за протекшие годы любопытна и для изучающего игру социальных сил человека вообще и для практического работника в частности. Распутывание разных социальных влияний, давивших на советские аппараты, в частности, через их состав, могло бы стать интересной темой для наших студентов, работающих по истории советского законодательства и хозяйственной *практики* советских аппаратов и их отдельных частей. История, напр., аппарата наших наркоматов в некоторых отношениях есть история борьбы коммунистических верхушек с совершенно иначе ориентирующейся интеллигентской массой его состава (перипетии внутренней разработки и

проведения разных законопроектов и мероприятий и т. д.). В этом отношении, напр., Наркомзем мог, конечно, гораздо меньше опираться на непосредственное содействие пролетарских низов, чем, напр., ВСНХ и т. д. Где-то в белогвардейской печати пару лет назад было мимоходом отмечено, что если в интеллигентском аппарате ВСНХ чаще, чем в других встречаются бывшие меньшевики, то в аппарате Наркомзема—бывшие народники и в аппарате Наркомфина — бывшие кадеты. Стихийная закономерность такого оседания разрозненных элементов прежних группировок в нашем аппарате, быть может, подмечена белым корреспондентом и не вполне правильно, преувеличена, статистических данных у нас об этом сейчас под рукой нет. Но само по себе идеологическое влияние мировоззрения известных частей личного состава аппаратов на вольное или невольное окрашивание совершаемой ими работы отрицать, конечно, не приходится даже в том случае, когда это мировоззрение партийно было (и остается теперь) не оформленным, а только отражает общее давление мелкобуржуазной или буржуазной среды, взглядов и интересов.

Пролетарская революция, несомненно, завоевывает *большинство* интеллигентских сил страны — низовую трудовую интеллигенцию и узкую, но очень важную интеллигентскую верхушку. Пролетарская революция начинает завоевывать и интеллигентский молодняк и завоюет тем большую долю и среднеинтеллигентских масс, чем шире, бесповоротней и наглядней развернется ее молодое торжество по всему старому земному шару.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА

Вопросы пролетарской идеологии.

Аксельрод, Л. (Ортодокс). Против идеализма. Ц. 2 р.

Бухарин, Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Ц. 1 р. 20 к.

Его же. Атака. Сборник теоретических статей. Ц. 1 р. 30 к.

Горев, Б. На идеологическом фронте. Ц. 70 к.

Исторический материализм. Сборник статей. Состав. С. Семковский. Ц. 2 р. 25 к.

Луначарский, А. В. Мещанство и индивидуализм. Сборник статей. Ц. 2 р.

Его же. Просвещение и революция. Ц. 40 к.

Преображенский, Е. О морали и классовых нормах. Ц. 40 к.

Руководящие Кадры Р. К. П. (большевиков), и их распределение Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Рютин, М. Партия и рабочий класс. Ц. 20 к.

Троцкий, Л. Д. Вопросы быта. Ц. 75 к.

Торговый Сектор Государственного Издательства

Москва, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский, пер., 4. Тел. 76-51.

Ленинградское представительство, Ленинград, Моховая, 36. Тел. 5-34-17.

МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ

1) Советская площадь, под б. гост. „Дрезден". Тел. 1-28-94. 2) Моховая, 17. Тел. 1-31-50. 3) ул. Герцена, 13. Тел. 2-64-95. 4) Никольская, 3. Тел. 49-51. 5) Серпуховская пл., 1/43. Тел. 3-79-65. 6) Кузнецкий Мост, 12. Тел. 1-01-35. 7) Покровка, Лялин пер., 11 Тел. 81-94. 8) Мясницкая, 46/2. Тел. 5-98-76. 9) Оптово-розничный магазин при складе „Теплые Ряды", Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 1-91-49. 10) Кузнецкий Мост, 11. 11) пл. Свердлова. 2-й дом Советов, маг. „Серп и Молот".

Лубянский склад социально-экономической литературы и магазин при складе Б. Лубянка, 15, Тел. 2-31-29 и 1-74-22.

Торгсектором Госиздата организован Отдел Почтовых Отправлений, выполняющий быстро и аккуратно бандеролью и небольшими почтовыми посылками все заказы на книги Госиздата и всех других издательств, а также и на дореволюционные издания.

Заказчики, обращающиеся непосредственно в Отдел Почтовых Отправлений (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4), при высылке денег вперед за упаковку и пересылку не платят и таким образом получают любую книгу по цене издательств.